

САДОКЪ
СУДЕЙ
II.

Находя всѣ нижнеизложенные принципы цѣльно выраженными въ I-мъ «Садкѣ Судей» и выдвинувъ ранѣе пресловутыхъ и багатыхъ, лишь въ смыслѣ Метцль и К^o, футуристовъ,—мы тѣмъ не менѣе считаемъ этотъ путь нами пройденнымъ и оставляя разработку его тѣмъ, у кого нѣтъ болѣе новыхъ задачъ, пользуемся нѣкоторой формой правописанія, чтобы сосредоточить общее вниманіе на уже новыхъ открывающихся передъ нами заданіяхъ.

Мы выдвинули впервые новые принципы творчества, кои намъ ясны въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Мы перестали разматривать словопостроеніе и словоизношеніе по грамматическимъ правиламъ, ставъ видѣть въ буквахъ лишь направляющія рѣчи. Мы расшатали синтаксисъ.
2. Мы стали придавать содержаніе словамъ по ихъ начертательной и фонической характеристики.
3. Нами осознана роль приставокъ и суффиксовъ.
4. Во имя свободы личного случая мы отрицаемъ правописаніе.
5. Мы характеризуемъ существительныя не только прилагательными (какъ дѣлали главнымъ образомъ до нась), но и другими частями рѣчи также отдельными буквами и числами:
 - а) считая частью неотдѣлимой произведенія его помарки и виньетки творческаго ожиданія.
 - б) въ почеркѣ полагая составляющую поэтическаго импульса.
 - с) въ Москвѣ поэтому нами выпущены книги (автографъ) «само-письма».

6. Нами уничтожены знаки препинания,—чѣмъ роль словесной массы—выдвинута впервые и осознана.

7. Гласны мы понимаемъ какъ время и пространство (характеръ устремленія) согласны,—краска, звукъ, запахъ.

8. Нами сокрушены ритмы. Хлѣбниковъ выдвинулъ поэтическій размѣръ — живого разговорнаго слова. Мы перестали искать размѣры въ учебникахъ—всякое движение:—рождаетъ новый свободный ритмъ поэту.

9. Передняя риѳма—(Давидъ Бурлюкъ) средняя, обратная риѳмы (Маяковскій) разработаны нами.

10. Богатство словаря поэта—его оправданіе.

11. Мы считаемъ слово творцомъ миѳа, слово, умирая, рождаетъ миѳъ и наоборотъ.

12. Мы во власти новыхъ темъ: ненужность, безсмысленность, тайна властной ничтожности—воспѣты нами.

13. Мы презираемъ славу; намъ извѣстны чувства, не жившія до насъ.

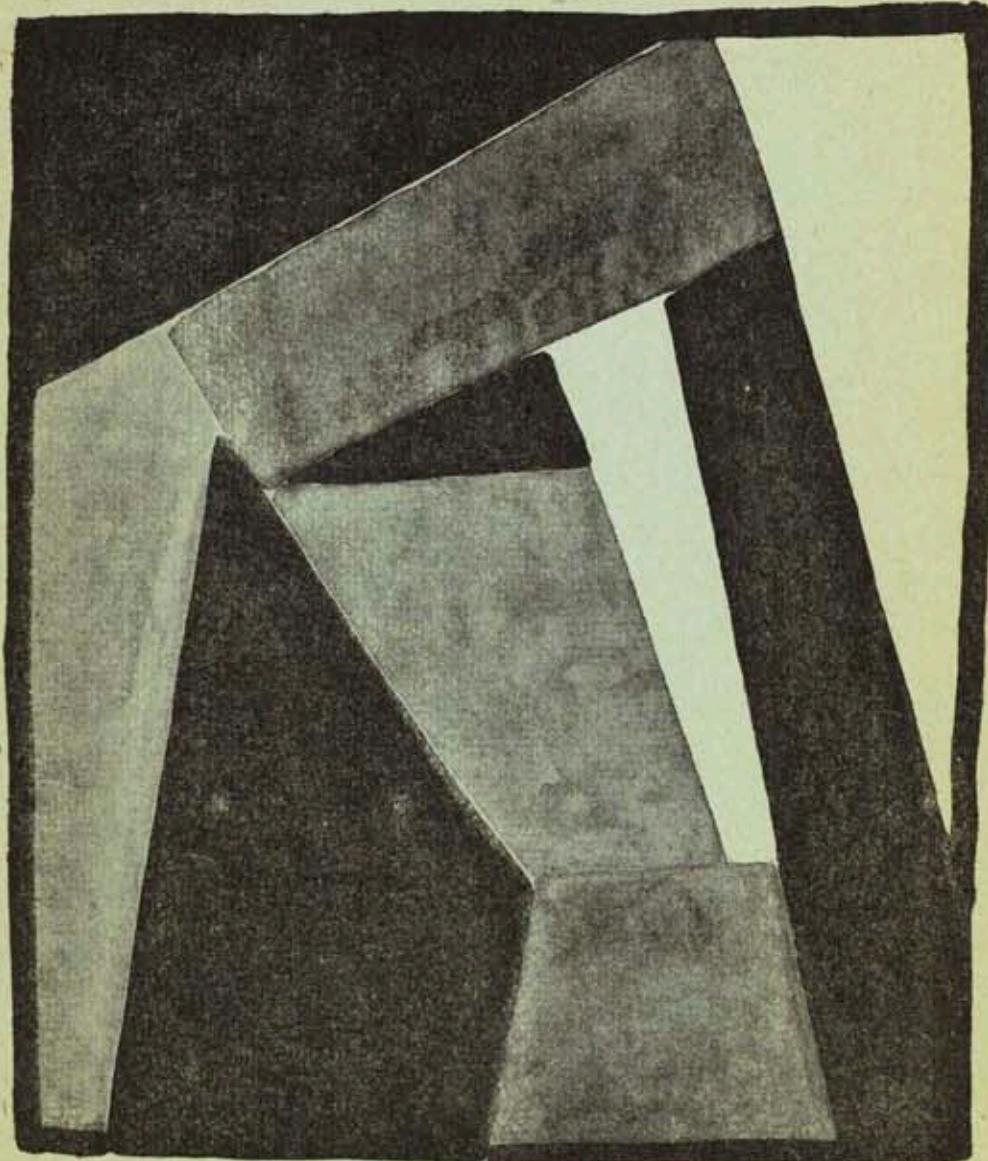
Мы новые люди новой жизни.

Давидъ Бурлюкъ, Елена Гуро, Николай Бурлюкъ, Владимира Маяковскій, Екатерина Низенъ, Викторъ Хлѣбниковъ, Бенедиктъ Лившицъ, А. Крученыхъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Предисловіе	1
Бенедиктъ Лившицъ	5
Викторъ Хлѣбниковъ	10
Давидъ Бурлюкъ	44
Николай Бурлюкъ	54
Владимиръ Маяковскій	62
Александръ Крученыхъ	63
Елена Гуро	67
Екатерина Низенъ	102
Милица (Дѣтск. творч.)	106

Рисунки. Владимира Бурлюка 2
Наталії Гончарової 2.
Михаила Ларіонова 2.
Давида Бурлюка 3.
Елены Гуро 6.



БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

АКРОСТИХЪ.

А. В. Вертеръ-Жуковой.

Вашъ трубадуръ—крикунъ, вашъ вѣрный шутъ—повѣса
(Ахъ, пестрота измѣнъ—что пестрота колѣнъ!)
Вашъ тигръ, сломавши кѣль, бѣжалъ въ глубины лѣса,
Единственный вашъ рабъ—аралъ—клянетъ свой плѣнъ.

Разувѣренія?—нашептыванья бѣса!
Тревожныя крыла—и въ лиліяхъ явленъ
Едва замѣтный крестъ... О узкая принцесса,
Разгнѣванная мной, вы золотой Малэнъ:

Желтѣли небеса и умолкали травы,
Утрѣло, можетъ быть, впервые для меня,
Когда я увидалъ—о свѣжія оправы

Очнувшихся деревъ! о златовѣстье дня!—
Вашъ флорентійскій плащъ, летящій къ небосклону,
Аграфъ трехлілійный и тонкую корону.

Ворзель, іюнь 1912.

ФОРЛИ

Ей же.

За рубежомъ—теченье ясныхъ лать:
Склонись въ затонъ, живой одними нами...
Надолго ли мы включены въ закатъ
И тонкими владѣемъ именами?

Надолго ли?—о нѣть, окаменѣй,
Во мраморѣ зарозовѣй надъ міромъ
Плынувшихъ словъ и вѣроломныхъ дней,
Опоена закатнымъ элексиромъ!

Ты улыбнулась: мы обручены
До первого жемчужного укола:
Разводы влаги — кольца тишины,
И облако—твоя романьюола..

СОСѢДИ

Ей же.

Въ сиреневомъ лѣтѣ, въ сиреневомъ дымѣ—
Я вижу! я вижу!—сосѣди
(Въ просвѣтѣ прошедшая лѣди
Была въ діадемѣ)
Возносятъ бокалы.
Но я ли, усталый
Отъ этой расплаты,
Приму ихъ увядшія крылья,
Ихъ длинныя—длинныя крылья,
И каждый горбатый
Языкъ воскового вина?
Я знаю, что каждая лѣди
Уже въ діадемѣ:
Ей снится: въ сиреневомъ дымѣ
Она возноситься должна.
И мнѣ ли—сухія копытца
По лѣстницѣ? Мальчикъ глядится
Въ таблицу изъ мѣди,
Коричневый, широкоскулый,
Въ измятомъ вѣнѣкѣ бересклета:
Какъ плещется круглое пламя!
Какъ множатся трубные гулы
Иного, широкаго лѣта!
Но никнуть все ниже крылами
Сосѣди—и только одна,
Высокая, въ узкой одеждѣ,
Рукой, удлинившейся въ стебель,
Рукой, расцвѣтающей въ небѣ,
Возносить, какъ прежде, какъ прежде,
Бокаль воскового вина!

СЕНТЯБРЬ.

Александръ Экстеръ

Воспоминанья столькихъ маевъ,
(Мы жили маями!)

Кольцо твоихъ послѣднихъ усть,
(Не будетъ этихъ легкихъ усть!)

Онъ уйдутъ съ лица, растаявъ,
(Онъ уже почти растаяли!)

О золото сентябрьскихъ уездъ,
Невѣрныхъ уездъ!

Предательскій сентябрь! Нефритомъ
Волнуется мое окно

И каменѣеть недопитымъ—
Въ стаканахъ—тяжкое вино.

И все настойчивѣй и пристальнѣй
Мечи вина,

Тяжелые мечи вина,
И пристальнѣй изъ-за окна

Встревоженные мачты пристани.

— Ахъ, я должна...

— Останься, скалься!...

Волна окна...

Волна нефритового вальса...

Унесена... унесена ты

Нефритовымъ виномъ окна...

Сентябрь проклятый!

БЫКЪ.

Отбѣжали... Вышелъ чинно.
Жмешь мнѣ руку, не любя:
Сколько розовыхъ снѣжинокъ
На ладони у тебя!

Тѣ четыре—словно крысы.
Вотъ и красный. Ждеть съ копьемъ.
Есть еще? Ну что же, высыпь...
Дальній запахъ раны пнемъ.

Это въ шутку, иль опасно?
Замираютъ вѣера...
Онъ за краснымъ! онъ за краснымъ!
Браво, браво, браво, бра...

А!..

СТЕПЬ.

Раскруживайся въ асфодели,
Въ рѣбята сонница галчать.
По пеленѣ твоей звучать
Упорныя віолончели.

И луковицы взаперти
Забудь тепличными цвѣтами.
Вздыбясь щербатыми крестами
На поворотъ расцвѣти.

В. ХЛЪБНИКОВЪ.

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ.

I.

«Мы Боги» мрачно жрецъ сказалъ,
И на далекіе чертоги
Рукою сонно указалъ.
Холоднымъ скрежетомъ пилы
Распались трупы на суставы.
И мною взнуданы орлы
Взять въ клювы звѣздные уставы.
Давно звѣрь, сильный надъ косулей
Сталъ безъ власти божествомъ.
Давно не бьемъ о землю лбомъ,
Увидя рощу или улей.
Походы мрачные пѣхотъ,
Копьемъ убийство короля,
Послушны числамъ какъ заходъ,
Дождь звѣздъ и синяя поля.
Года войны, ковры чумѣ,
Сложилъ и вычель я въ умѣ.
И, уваженіе къ числу
Растеть, ручьи ведя къ руслу.
Въ его холодные чертоги
Идутъ изгнанницы тревоги.
И мы стоимъ міровъ двухъ между
Несемъ туда огнемъ надежду
Все же самозванцемъ поцѣлуйнымъ
Передъ воспѣствиемъ чумы
Былъ названъ вѣкъ разсудкомъ буйнымъ
Смѣется шутъ, молчать умы.

Наукой гордые потомки
Забыли кладбищай обломки.
И пусть намъ поступь четверенекъ
Давно забыта и чужда
Но я законовъ неба плѣнникъ
Я самому себѣ измѣнникъ
Отсюда смута и вражда
Вѣнкомъ божествъ напѣтъ умъ вѣнчается,
Но, кто въ надеждахъ жилъ, отчается
Ты - авѣздный рабъ,
Родъ человѣческий!
Сказалъ, не слабъ,
Разсудокъ жреческий.
И юность и отроки наши
Пьютъ жизнь изъ отравленной чаши.
Съ петлею протянутой столбъ
И бѣгство въ смерти юныхъ толпъ.
Все громче неистовѣй возгласы похоти,
Въ словесномъ мерцающемъ хохотѣ.
О каменный ножъ
Каменныхъ доскъ
— Пламенный мозгъ,
— То молодежъ!
Трудился я,
Но не у оконченного зданія
Бросаю свой желѣзный ломъ!
Туда, къ престолу мірозданія.
Хочу летѣть вдвоемъ съ орломъ!
Чтобы склонивъ чело у ногъ,
Сказать: усталъ и изнемогъ!
Пусть сиротѣть борозда,
Жреца пріими къ себѣ звѣза.

II.

Рабыня. Юноша свѣтель
Небо замѣтиль.
Онъ замѣтиль тихъ и весель
Звѣзды истины на мнѣ.
Копшелькъ тугой привѣсилъ
Дикій стройный на ремнѣ.
Къ копшельку привѣсилъ ножикъ,
Чтобъ застѣнико и впредъ
Съ нимъ веселыхъ босоножекъ
Радость частую смотрѣть
Съ нимъ пройдуся я, скача,
Рукавомъ лицо ударилиъ
Для усмѣшки отрока
Для веселыхъ въ сердцѣ заревъ.

Жрецъ. Косы властны чернотой,
Взоръ въ рѣсицѣ голубой
Кругъ блестаетъ золотой,
Локоть взявъ двойной длиной.
Кто ты?
Съ взоромъ незабудки,
Жизнь съ тобой шутила шутки.

Рабыня. Твои остроты,
Жрецъ, забавны.
Ты и я, мы оба равны.
Двѣ священны единицы
Мы враждующія части.
Двѣ враждующія дроби.
Во взорахъ разныя зѣнницы.
Двѣ какъ міръ старинныя власти,
Беремъ жезлъ и правимъ обѣ.

Ты возникъ изъ темноты,
Но я болѣе чѣмъ ты:
Любезнымъ сдѣлавъ ядъ у ртовъ,
Ты къ гробамъ бросилъ мостъ цвѣтовъ.
Жрецъ. Къ чему товарищъ въ часъ рѣзані?
Поостерегися... не дразни...
Рабыня. Зачѣмъ смѣешься и хохочешь?
Хочешь?
Стань палачемъ,
Убей меня, ударъ мечемъ?
Рука подняться не дерзаетъ?
На части тотчасъ растерзаетъ,
Тебя рука дѣтей, внучать,
На плечи, руки и куски.
И кони дикие умчать
Твой трупъ разодранный въ пески.
И, воронымъ тѣмъ табуномъ
Богиня смерти, гикнувъ, править.
И трупъ, растоптанъ скакуномъ,
Глазами землю окровавить.
Вѣдай знай: самъ Богъ земной
Схватить бѣшено копье
И за честь мою заступится.
Ты смѣешься надо мной,
Я созвучие твое
Но убийцы лезве,
Наказаніе мое,
Цѣной страшною окупится.
Узнаетъ городъ ста святымъ,
Предъ чѣмъ чума есть только грошъ.
Замажешь кровью птичи гнѣзда,
И стануть макомъ всѣ цвѣты.

И молвять люди, скажутъ звѣзды,
Былъ справедливо каранъ ты.
Слѣдь прятнется багровый
То законъ вещей суровый
Узнай, что вѣра — нищета,
Когда стою иль я, иль та.
Ты, дыханіе чумы,
Веселишь рабынь умы!
Съ нимъ же вмѣстѣ презираю
Путь къ обѣщенному раю
Ты хочешь крови и похмѣлій!
Рабыня я ночныхъ веселій!

Жрецъ. Довольно,
Лживыя уста!

Рабыня. Миѣ больно, больно!

Я умираю, я чиста.

Жрецъ. Она красива умерла
Внутри волосъ златыхъ узла.
И какъ умершая змѣя
Дрожать рѣсницы у нея.
Ея окончена стезя.
Она мечемъ убита грубымъ.
Ни жить, ни пѣть уже нельзя.
Плясать, къ чужимъ касаться губамъ.
Мечъ сталъ сытымъ кровью сладкой,
Полоумной святотатки
Умирающей загадкой
Ткань вопросовъ стала краткой.
Послушный рабъ ненужнаго усилия!
Сложи, о коршунъ, злыя крылья!
Иди же въ ножны, ты не нуженъ.
Тебя насытилъ теплый ужинъ,

Напился крови до пьяна.
Убита та,
Но гдѣ она?
Быть можетъ мести страшный храмъ?
Быть можетъ здѣсь, быть можетъ тамъ?
Своихъ обидъ не отомстила.
И, умирая не простила.
Не такъ ли разумъ, умерщвляетъ,
Верша властительный законъ,
Побѣги страсти молодой?
Та умирая, обѣщаєтъ
Взойти на страшный небосклонъ
Возмездья красною звѣздой!

III.

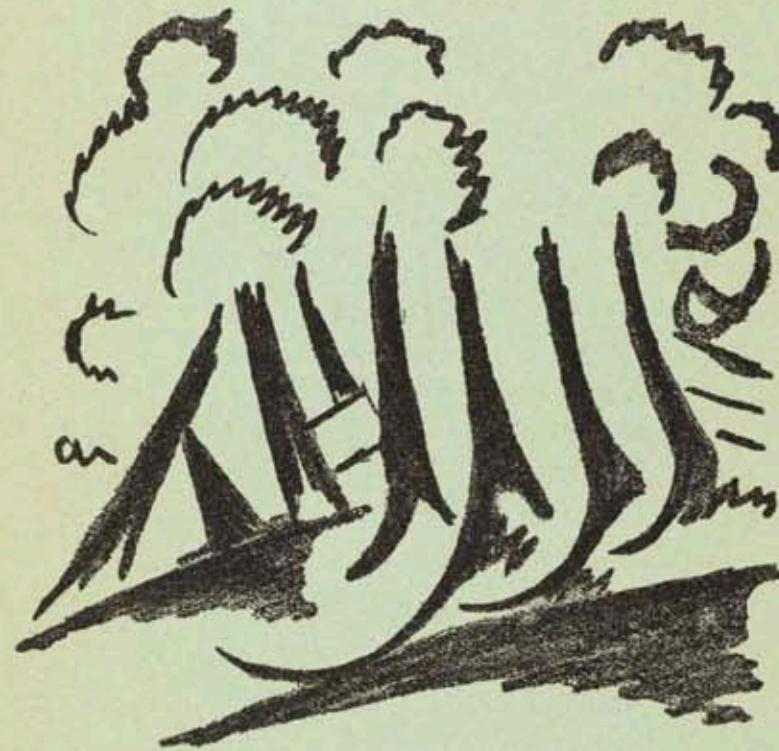
Прохожий. Точно кровь главы порожней
Волны хлещутъ, волны воютъ
Нынче громче и тревожнѣй.
Скоро пристань воды скроютъ
И хаты, крытыя соломой,
Не разъ унесъ могучій валь.
Свирѣльщикъ такъ, давно знакомый,
Миѣ ужасъ гибели игралъ.
Какъ будто нѣдра раскаленныя
Жерль огнедышащей горы,
Идутъ на насъ валы зеленые
Какъ люди вольны и храбры.
Не какъ прощальное привѣтствіе,
Не какъ сердечное «прости»,
Но какъ военный кличъ и бѣдствіе
Залились водами пути.

Костры горятъ сторожевые
На всѣхъ священныхъ площадяхъ
И вижу, ъдуть часовые
На чолнахъ, лодкахъ и коняхъ.
Кто безумно, кто жестоко
Вызвалъ твой, о море, гнѣвъ?
Видно мнѣ чело пророка,
Молній брошенный посѣвъ
Кто то въ полночь хмурить брови
Чей то мечъ блеснуль, упавъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ? Ужель скушъ къ крови
Градъ самоубийства и купавъ?
Виситъ—надѣяться не смѣемъ мы
Межъ тучъ прекрасная глава.
Покрыта трепетными змѣями
Сурова точно жернова.
Смутна, жестока, величава
Плыветъ глава, несетъ лицо.
Въ вѣнкѣ темныхъ змѣй курчаво,
Восковое змѣй яйцо.
Союзъ праха и лица
Разрубиль ударъ жестокій
И въ обитель палача
Мрачно ринулись потоки.
Народъ свой ужасъ величающій,
Пучины ревъ и звукъ серчающій
И звѣзды тихіе свидѣтели
Гробницы ала и добродѣтели.
Городъ гибнетъ. Люди съ нимъ.
Суша—дно. Послѣднихъ вѣсть.
Море съ полчищемъ своимъ
Все грозить въ безумствѣ снѣсть.

И вотъ плыветь между созвѣздій
Волнуясь черными ужами,
Лицо отмщенія и возмездій,
Глава отрублена ножами.
Нѣжный обликъ-восковой
Въ змѣй одѣждѣ боковой
На лезвѣ лежить ножа
Клянусь, прекрасная глава
Она глядѣть, она жива,
Свириль морского мятежа.
На лезвѣ ножа лежа
Въ преддверьѣ судебъ рубежа
Глазами тайными дрожа,
Гдѣ тучъ и облака межа
Она пучины мести вождь.
Кровавыхъ капель льется дождь.
О призракъ прелести во тьмѣ!
Царица, равная чумѣ!
Ты жила лишенной чести,
Нынѣ ты богиня мести.
О ты тяжелая змѣя
Надъ хрупкимъ образомъ ея.
Отмщенія страшныя печать
И ноженъ мести рукоять.
Змѣй снопъ, глава окрававленная
Бездна мести ея зеленая
Подъ удары мѣрной гребли
Погибаетъ людъ живой.
И ужей вздыбились стебли
Надъ висячею главой.
О городъ, гибель созерцающій,
Какъ на бойняхъ воль, спокойно.

Валы гремять, какъ мечъ бряцающій
Свирили ужаса достойно.
Погубять прежнія угѣхи
Моря синіе доспѣхи.
Блескъ, хлещетъ ливень, свищетъ градъ
И тонеть, гибнетъ старый градъ,
Она прическої змѣй колышитъ
Она возмездья ядомъ дышитъ
И тотъ, кто слушаль, слово слышить
«Я жреца мечемъ разрублена
Тайна жизни имъ погублена,
Тайной гибели я въю
У созвѣздья Водолея
Мы рѣзвилися и пѣли
Вдругъ ударъ меча жреца!
Вы живыми быть сумѣли
Схоронивъ красу лица.
И забыли тѣ, кто выбыли!
Нынѣ вы въ преддверы гибели.
Какъ вы смѣли, какъ могли вы
Быть безумными и живы!
Кто вы? что вы? вы здоровы!
Стары прежнія основы.
Прежде обликъ восхищенія,
Нынѣ я богиня мщенія.*
Вверху ужей желѣзныхъ снопъ,
Внизу идетъ, реветь потопъ.
Ужасенъ вѣтеръ боевой,
Валы несутся, все губя.
Жрецъ съ опущенной головой.
«Я зналъ тебя!»

Конецъ.



насташа Гончарова . 1928.

ПЕРЕВЕРТЕЛЬ.

(Кукси кумъ мукъ и скучъ).

Кони, топотъ, инокъ
Но не речь, а черенъ онъ
Идемъ молодъ, доломъ меди
Чинъ званъ мечемъ навзничъ.
Голодъ чѣмъ мечъ дологъ?
Паль а норовъ худъ и духъ ворона лапъ.
А что? я ловъ? Воля отча!
Ядъ, ядъ, дядя!
Иди, иди!
Морозъ въ узель, лѣзу взоромъ.
Соловъ, зовъ, возъ волосъ
Колесо. Жалко поклажъ. Оселокъ.
Сани плотъ и возъ зовъ и толпъ и нась
Гордъ дохъ, ходъ дрогъ.
И лежу. Ужели?
Золъ голь логъ лозъ
И къ вамъ и тремъ съ
Смерти Мавки.

* * *

Помиралъ морень, моримый морицей
Вѣренъ въ вѣримое вѣрицы.
Умиралъ въ морильяхъ морень
Вѣренъ въ вѣроча вѣри.
Обмираль морѣа морень.
Вѣренъ вѣритвамъ Вѣраны
Пріобмерь моряжески морень
Вѣренъ вѣрови вѣрязя.

МАРИЯ ВЕЧОРА.

Выступы замокъ простеръ
Въ синюю неба пустыню.
Холодный востока костеръ
Утра встрѣчаетъ богиню.
И тогда-то
Звукъ раздался отъ подковъ.
Бѣль какъ хата
Мѣсяцъ сотенъ облаковъ
Лаву видить сѣдоковъ.
И одинъ изъ нихъ широко
Ношней бѣлою взмахнулъ.
И въ его ночное око
Самъ таинственный разгуль.
Заглянулъ, изъ-за мѣла бѣлыхъ скуль.
Не святые, не святоши
Въ поздній часъ несемся мы,
Такъ зачѣмъ чураться ноши
Въ часъ царицы воллей тьмы!
Пусть блестяще чѣмъ свѣтъ
Два блестаютъ черныхъ глаза
Въ нихъ источники всѣхъ бѣдъ,
Въ нихъ чумы очагъ, зараза.
Смѣлой все же молодежи
Нѣть укора, нѣть отказа!
Здравствуй черные два глаза!..
Ужъ! по твердой мостовой,
Идутъ взмыленные кони.
И опять взмахнулъ живой
Ношней мчащіяся ногони.

И кони устало зѣваютъ замучены.
Шатаются конскія стати.
Усы золотые закручены
Вождя веселящейся знати.
И вящшей породѣ поспѣшная дань
Ворота раскрылися настежь.
„Раскройся, раскройся чудесная ткань!
Находку волшебную застиши!
Въ рукахъ моихъ дремлетъ прекрасная лань!
О эти рѣчи огневыя
Ручья ночного сонныхъ взоровъ!
И этотъ снѣгъ и пепель выи,
Узницы бѣлой кружевъ узоровъ.
Лѣсной и дикой кошки норовъ.
И преодолѣвая странный страхъ,
По широкой взбѣгаешь онъ лѣстницѣ.
И прячется самъ въ волосахъ
Молчащей кудесницы
Въ холодномъ сумракѣ покоя
Гдѣ окружили столъ скамын
Узнаю я, судьба какое
Даетъ веселіе семьи“
И тѣ отвѣчаютъ съ весельемъ
„Жестокую правду ты молвилъ и дѣло.
Друженъ уродъ съ подземельемъ.
И входить дворца госпожою красивое тѣло,
Сжигая безумно года.
Такъ было, такъ будеть всегда“.
„Короткіе четверть часа
Пробуду я наединѣ.
Узнаю, идетъ ли кудреи тѣхъ краса
Къ ранней главы сѣдинѣ.

Нѣтъ, ведро на коромыслѣ
Не коснулся плеча.
Кудри длинныя повисли
Точно звуки скрипача.
И залогъ для восхищенія
Чудень, нѣмъ, закрывъ глаза.
О добыча похищенія,
Тяжкій мечъ и стрекоза“.
И тѣ засмѣялись дружно.
Качаются старою стрѣлкой часы.
Но страхъ вдругъ приходитъ. Но все же наружно
Товарищи круятъ, что копья, усы.
Охоты прибѣжиша—замка
Богинѣ равна домочадка.
Но знаемъ, но знаемъ, загадка—
Кудрей златонѣжная рамка.
И пышные ходять стаканы
Виномъ веселя ихъ досуги
Одѣтые въ шлемъ и колчуги
Смотрѣли на нихъ великаны.
Но что это? жалобный стонъ и взволнованный говоръ
И тѣла упавшаго шумъ позже стука.
Весь дрожа убѣгаешь въ молчаніи поваръ
И прочь удалился не выронивъ звука.
И мчатся толпою, недобroe чуя,
До двери высокой, дубовой и темной,
И плачетъ товарищъ ключъ въ скважину суха
Суровый веселый огромный.
На битву бѣгутъ они къ женственнымъ чарамъ
И дверь отворилась подъ тяжкимъ ударомъ
Со скрипомъ, какъ будто куда то летя
Грустящее молить и плачеть дитя.

Гдѣ ткань нависала изъ дуба рѣзная
Бросился первый боецъ рукопашной
И тотчасъ же замеръ, недобroe зная
Здѣсь замеръ онъ грозный и страшный.
Два или три черезъ мига
Прежнихъ предчувствій раскроется книга.
Но зачѣмъ въ ихъ рукахъ заблестали клинки?
Шашекъ лезвея блещутъ изъ каждой руки.
На полу какъ уснувшій лежитъ общий другъ
И на поль стекаютъ изъ крови озера.
А въ углу близъ стѣны вся упрекъ и испугъ
Марія Вечора.

ХОВУНЪ.

И всенѣя ховунъ вылетѣлъ въ трубу и, повсеменновавъ, опять влетѣлъ въ избенку. И мы лишь всенѣма всенѣющей воли, волерукаго дикана. И бѣлязи были скорновласы и смѣхъ ноги. И небнядинное голубьмо за ними сяло, сючее, неуставающее.

И волязъ стать красочимъ учился у лѣшихъ блеснѣ взглadowой, лѣсной, дикой нечеловѣческой. И смѣхорукое длилось молчаніе.

И веселовница нудныхъ рощъ радостноперыми взмахнула грустильями. И скорбунъ по вотчинамъ Всенязя качался въ петлѣ. И грезогъ-нѣмогъ полонъ былъ тихихъ ликовъ. И соноги мечтоги вставали въ мгловыхъ просторахъ. И то о чёмъ я пишу, лишь грезъмо грезюги.

Но сонногреійцы прекрасны и въ небесовой мглѣ.
Небесатый своей думой я утихомирился и легъ спокойно спать.

И быль скорбенъ незамѣтный ликъ. И убѣгаеть умиравый въ сонъ.

И вселенаты были косицы за устами и волкъ днешерстный пришелъ и не миннулъ: не стало бѣдночай чтыня луковежская.

И сонежъ и соннежъ и всатый замысломъ и всокий господинъ читака чой читокъ чтоще перечетчикъ почетчикъ читомое и ничтожина и всеянинъ и всенѣ и веснь и всявый усь и ничтовая бровь и всяный голосъ и всовникъ и ничтожево и ничтозвъ и ничтое ничтимъ ничтей и ничтакъ ничтва вселенѣль ничтыня и лукавда красавда ничтецъ ничтимка всето ничтота ничтвенство всележча меня и была смерть читка чтяка весътѣмъ звезда всегда ничтименъ.

И соногъ-мечтогъ быль нами читьбище читьба, читва читать, лъ читежъ читажа, читязъ читъмо читавица.

И малочей звенѣль смѣхомъ и малыни лежали на брѣгѣ и малыши звенѣла вершинами и малокъ вселенѣль. Такъ, звукатая временѣль ясными струилась завитками съ дѣдиканова плеча.

И дѣвина страдала взорами взметнула озаренными крыльями. Красотѣ-же засмѣялся.

И были глубинны синіе взоры и сяль эмѣй.

И, возрывая руками мыслоку, радостная вышла на берегъ дѣва, сияя устами и тѣломъ. И нагочеи смѣялись.

Въ смѣхотянкомъ, въ смѣхотовомъ вѣнкѣ ликѣ, были два озера грустинъ и смѣхотучie заревыя уста. Нѣгѣй кинулъ вѣнокъ, но кто его поднялъ?...

И Вселеномиръ зыбиль, звучалъ студными вѣтками.
О Слово вай! припадите къ землѣ, какъ земичи!
Въ молчановомъ ручье Омойте пыльныя ноги.
И яроба народоструйныхъ водъ и весеннекликий
юнежь и вселенокликъ и лиромигъ и безумянныя
дебри нѣлучихъ ростъ.

* *

И въ бѣломъ мѣсяцовомъ ликѣ холодные враждунные глаза: оголяя локти и небомойки изъ хмаровыхъ корыть опрокидывали, лили воду. На хмаровыхъ лети-полетай копытцахъ рѣзвилось смѣшунъ-дитя.

И смѣхчія выползали дѣти изъ вѣчности спаленки и вѣчность каутанный быль мужъ и пожаро-кудряя лица.

И дыхчія полымяемъ змѣи и косматыя міристыя гласомъ дива и постепенно міренѣло утихающее тихвой величія слово: я! и тонуло въ нѣмичіи. И краснено въ золотучемъ, не ясномъ полѣ и красночай мыслями и кудрями. И пыхчія снопами радляваю и радостнаго золота голубочешуйныя утра. И вольнива и волнива волнистой и вольной нивы воль. И жнецъ нивы.

И летуницы сладко и ладкогласныя. И вопросъ имъ людища тьма-темь—власаго: кто вы? и отвѣтъ: сладко-перья.

И желаніе шерстный песь лютой злой. И звена звенять серебряной необходимостю. Неоградимое воль.

И бояйца голубева какъ зла силь. И земѣ зема его ликъ.

И бѣдища злостоперья. И молчанные дворцы и за «а»—рцы.

И вѣчниканша веременная собой времовымъ ростомъ.

И баймо баянной звучали и звучаль нѣмотострунная, о! замолкнетъ она, когда струны порвутся руками чужими.

И надѣло землявой плащъ небо и старичіе голубосѣдыхъ старииковскихъ волосъ и ясавецъ мысли ясной срѣзаетъ думѣль и летять нѣчистѣли мыслоковыхъ осокъ и поють-поютъ: умиравежъ милый; умри;

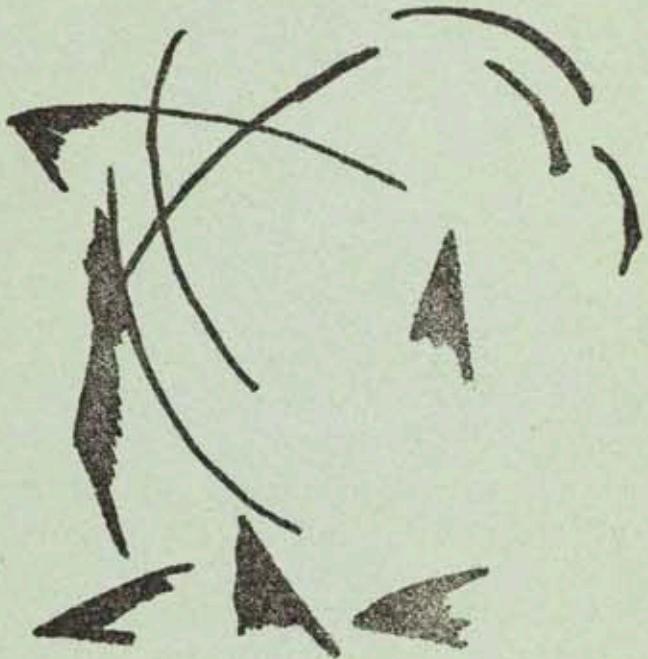
О, счастье клювая и ты, черно-глазая, легкая-легкая по кустамъ и древамъ порхалица! птичка приди, приди! О желтучія уста нѣмвянокъ молчановыхъ сѣрѣлыхъ сиротъ.

Молчанъ и лебеди грустливо-грустные не никлы ли цвѣты шея и слухока и молвнякъ по дикимъ бремъ глаголокаменнымъ.

И моля лебедя смерти: приди бѣлошнейная;
И языкъ—звукомыя числа без старичіе.
Сѣрый
сѣно
вѣкъ
вѣра.

СУТЕМКИ, СУВЕЧЕРЪ.

Зазовъ.
Зазовъ маниости тайнъ.
Зазовъ обманной печали.
Зазовъ уманной устали.
Зазовъ сипкихъ тростниковъ.
Зазовъ зыбкихъ облаковъ.
Зазовъ водностныхъ тайнъ
Зазовъ.



Иван Ильинский

Портрет

Ангелской

артышки

Тонако

ШАМАНЪ и ВЕНЕРА.

Шамана встрѣча и Венеры
Была такъ кратка и ясна:
Она вошла во входъ пещеры,
Порывамъ радости весна.
Въ ея глазахъ свѣтла отвага
И страсти гордый гнѣвный зной:
Она предъ нимъ стояла нага
Блестя роскошной целеної.
Казалось пламенный пожаръ
Ниспалъ касаясь древка снѣга.
Глазъ голубыхъ блестѣлъ стожарь,
Прося у желтаго ночлега.
«Монголь!» свои надувши губки
Такъ дѣва страсти начала.
(Мысль рождена изъ длинной трубы
Проводить борозды чела)
«Ты старъ и блѣденъ, желть и смуглъ,
Я-же роскошная рѣка!
Въ пещерѣ дикой лай мнѣ уголъ,
Молю сѣдого старика.
Я, равная богинямъ,
Здѣсь проведу два-три денька.
Послушай, рухлядь отодвинемъ,
Чтобъ сѣсть двоимъ у огонька.
Ты вѣришь?—видишь?—снѣгъ и выюга!
А я, владычница царей,
Ишу покрова и досуга
Среди сибирскихъ дикарей.
Еще того не доставало
Покрыться пятнами угрей.

Монголь! Монголь! какъ я страдала!
Возьми меня къ себѣ, согрѣй!
Покрыта пепломъ изъ снѣжинокъ
И распустивъ вдоль рукъ косу,
Она къ нему вошла. Какъ иночъ
Онъ жилъ одинъ въ глухомъ лѣсу.
Когда-то храмы для меня
Прилежно воздвигала Греція.
Монголь, твой миръ обременя,
Могу ли у тебя согрѣться я?
Меня забылъ ваять художникъ.
Мной не клянется больше витязь.
Народъ безумецъ, народъ безбожникъ,
Куда идете, оглянитесь?»
— «Не такъ ужъ мрачно».
Отвѣтилъ ей, куря, шаманъ.
Озябли вы и неудачно
Былъ съ кѣмъ нибудь романъ.
•Подумай самъ: ужъ перси эти
Не трогаютъ никого на свѣтѣ.
Онѣ полны молока, какъ крынки.
(По щекамъ катятся слезинки)
И къ красотѣ вотъ этой выи
Холодны юноши живые.
Ни юношей, ни полководцевъ,
Ни женъ любимцевъ, ни уродцевъ,
Ни утомленныхъ стариковъ,
Ни въ косовороткахъ дураковъ
Они когда-то увлекали
Народы, царства и престолы,
А нынѣ, кроткия въ опалѣ,
Томятся спрятанныя въ полы.

И вѣришь-ли? меня заставили одѣть
Вотъ эти незабудки,
Ну, право, лучше умереть,
Чѣмъ эти шутки.
— Это жестоко». Она отошла
И, руки протянувъ, вздохнула.
«Какъ эта жизнь пошла!»
И руки къ небу протянула.
«Все, все, монголь, все, все—тищета.
Все—дѣти низкихъ вервій.
И лики дѣвы—нищета
Когда на ней пируютъ черви!»
Шаманъ не вѣрилъ и смотрѣлъ,
Какъ дѣва (золото и мѣль)
Присѣла, зарыдавъ,
И рѣчъ повель, сказавъ:
•Напрасно вы сѣли на обрубокъ
Онъ оцарапаетъ васъ».
Береть съ стола красивый кубокъ
И, пьетъ задумчивъ русскій квасъ.
Онъ замолчалъ и тихъ курилъ,
Смотря въ вечернее пространство.
Любилъ убрать, что говориль,
Онъ въ равнодушія убранство.
И Дѣва нѣжное спасибо
Ему таинственно лепечетъ.
И глаза синяго изгиба
Взоръ шаловливо мечеть
И смотрить томно, ибо!
Онъ былъ красивъ какъ бѣлый кречетъ.
Часы летѣли и бѣжали
Они въ пещерѣ были двое.

И тѣни блѣдныя дрожали
Вокругъ вечерняго покоя.
Шаманъ молчалъ и вдалъ глядѣлъ.
Венера вдругъ зѣнула,
Въ огонь шаманъ глядѣлъ.
Венера же уснула.
Завѣты строгія храня
Долга къ пришлициамъ святого,
Моголь сидѣлъ, ей извиня,
Изгибы тѣла молодого.
Ахъ, ахъ!—она во снѣ вздыхала,
Порою глазки открывала,
Кого-то слабо умоляла,
Защитой руку подымая,
Кому-то нѣжно позволяла
И улыбалася младая.
И вотъ ужъ утро. Прокричали
На еляхъ блѣдные дроады.
Полна сомнѣній и печали
Она на смутный ликъ звѣзды
Взирава робко и порой
О чѣмъ-то тихо лепетала
Про—что-то тихо напѣвала.
Блѣднѣло небо и свѣтало.
Всходило солнце. За горой
О чѣмъ-то роща лепетала.
Отъ сна природа пробудилась
Младой зари поднявъ персты.
Венера точно застыдилась
Своей полночной наготы.
И добродѣтели стезей идя неопытной ногой,
Она раздумывала прилично-ли нагой

Явиться къ незнакомому мужчинѣ.
Но былъ сокрытъ отвѣтъ богини.
Такъ дѣвы сонъ лелѣя хрупкій
Моголь сидѣлъ съ своею трубкой.
И дѣва затаивъ глаголъ
Моголу бросила взоръ выси.
Отъ косъ затылокъ оголивъ,
Одна безъ помощи подругъ,
Она закручиваетъ ихъ въ кругъ.
Моголь какъ раньше молчаливъ.
Затылокъ бѣлый такъ прекрасенъ
Для чистыхъ юношей такъ ясенъ.
Но лицемѣрія престолъ
Сидитъ задумчивый моголь.
Венера ходить по пещерѣ
И въ горести ломаетъ руки.
«Это какіе то звѣри!
Гдѣ пѣсанъ нѣжныхъ звуки?
Отъ поцѣлуевъ прежнихъ зноя,
Моголь! моголь, спаси меня!
Я вся горю! горя иноя
Живу, въ огнистый бубенъ чувствъ звения.
Узнай же! знаешь, что тебѣ шепну на ухо?
Ты знаешь? знаешь?—я старуха!...
Никто не пишеть нѣжныхъ писемъ,
Никто на встрѣчу синимъ высямъ
Влюбленныхъ глазъ ужъ не подъемлетъ,
Но всякий хладно съ книжкой дремлетъ.»—
«Какъ все это жестоко!»
Сказала дѣва, вдругъ заплакавъ
«Скажи хоть ты: ужель съ востока
Идетъ вражда къ постелямъ браковъ?»

Съ хладомъ могилы отрокъ одинаковъ.
Но неразговорчивъ и сердитъ
Какъ будто тотъ сидитъ.
Напрасно съ ранняго утра
Раньше многолосыхъ утра дудокъ
Но всякий хладно убѣгаеть
Прочь отъ себя за свой порогъ
Лишь только сердце настигаетъ
Любви назначенный урокъ
Къ ногамъ снѣговъ къ вѣнкамъ изъ маковъ?
Она изъ синихъ незабудокъ
Въ искусствѣ нравиться хитра
Сплела вѣнокъ почти въ 6 саженъ
И имъ обвилась для нѣжныхъ дѣлъ
По прежнему монголь сидѣть,
Угрюмъ, задумчивъ, важенъ.
Вдругъ сердце громче застучало.
«Монголь, послушай» такъ начала,
Она «Быть можетъ рѣчь моя чудна
И даже дика и мало прока.
Я буду здѣсь бродить одна
(Ты знаешь: я вѣдь одинока).
Срывать цвѣты въ густомъ лѣсу
Вплетать цвѣты въ свою косу.
Вдали отъ шума и борьбы
Внутри густой красивой рощи
Я буду пѣть, сбирать грибы—
Искать въ лѣсу святого моши,
Что можетъ этой жизни проще?
«Изволь душа моя» отвѣтилъ
Монголь съ сияющей улыбкой.
Я даже въ лѣсу встрѣтилъ

Дупло съ прекрасной зыбкой.»
Въ порывѣ нѣжномъ хорошія,
Она бросается ему на шею.
Его ласкаетъ и пѣлаетъ
Ниспали волосы какъ плащъ.
Монголь-же морщится, тоскуетъ.
Она въ тотъ мигъ была палачъ.
Она разсказываетъ ему
Про вредный плодъ куренья.
«Монголь, любезный, не кури!
Внемли рыданью моему».
Онъ же съ глазами удовлетворенія
Имя произносить Андури.
Шаманъ береть рукою бубень
И мчится въ пляскѣ круговой.
Ногами рѣзвыми стучить,
Венера скорбная молчить,
Или сопровождаетъ голосъ трубенъ
Дрожа звенящей тетивой.
Потомъ хватаетъ лукъ и стрѣлы
И мимо просбъ, молитвъ, моленій
Идетъ охотникъ гордый, смѣлый
Къ четѣ пасущихся оленей
И онъ таинственно исчезъ
Гдѣ росъ густой зеленый лѣсъ.
Одна у ранняго костра.
Богиня скорбная сидитъ.
То грусть. И ей сестра
Она задумчиво молчить.
Цвѣты сплетая въ сарафанъ
Какъ бѣло синій истуканъ
Глядить въ не обезпокоенные воды.

Зеркало окружающей природы.
Поетъ, хохочеть за двоихъ.
Или достаетъ откуда-то украдкой
Самодержавія портныхъ
Новое уложеніе законовъ
И шепчетъ тихо: какъ гадко!
Или какъ безвкусно... фу, вороны!
Самъ другъ съ своею книжкой
Она прилежно шепчетъ, изучаетъ,
Воркуетъ, мѣряется подъ мышкой
И... не скучаетъ.
И воды послѣ переходить
И по полянѣ свѣтлой бродить,
Сплетаетъ частые вѣнки
На косахъ солнца сѣдоки.
Венера сѣла на сосновый пень.
И шепчетъ робко: вѣтеръ телепень!
Одинъ лишь ты меня ласкаешь
Свою хрупкою рукой
Мнѣ одинъ не измѣняешь
Людей отринувши покой.
Лишь тебѣ бы я дарила
Сномъ насыщенный ночлегъ
Двери я бы отворила,
Будь ты отрокъ, а не бѣгъ...
Будь любимый человѣкъ...
Букашки и все то, что мнѣ покорно!
Любите, любите другъ друга проворно!
Счастье не вернется никогда!
И вотъ приходитъ отъ труда,
Ему навстрѣчу выбѣгаешь,
Его цѣлуешь и ласкаешь,

Береть оленя молодого
На части рѣжеть и готово
Ея стряпни простое блюдо;
Сидить и ъестъ ну право-же не худо!
Шаманъ-же трубку тихо курить.
И взоръ устало томно щурить.
И какъ чудесная страна
Пещера въ травы убрана.
Однажды бѣлый лебедь
Спустился съ синей высоты
Крыло погибшее колеблетъ
И умирая стонеть: ты!
Иди, иди! тебя зовутъ,
Иди верни свой кроткій трудъ.
Отъ крови черной пѣгій
Я умирающій кляну
Иди, иди чаруя нѣгой
Свою забытую страну.
Тебѣ племенъ твоихъ соборъ
Готовитъ царственный уборъ.
Иди, иди своихъ лелѣя!
Ты имъ другихъ божествъ милѣе
Я лебедь умирающій кляну:
Дитя: вернись въ свою страну.
Забывъ страну озеръ и моховъ,
Иди пріемля дань изъ водоховъ.
И лебедь легъ у ногъ ея
Какъ бѣлоснѣжная змѣя.
Онъ умирающій молилъ
И дѣву страсти умилиль
Шаманъ ты всѣхъ земныхъ мудрѣй!
Какъ мной любима смоль кудрей.

И хладъ высокаго чела.
И взгляда острыя пчела.
Я это все оставлю.
Но въ пѣсняхъ юноши прославлю.
Вотъ эти косы и эту грудь
Вѣдунъ мой милый все забудь!
И водопадъ волосъ могуче рыжій
И глазъ огонь моихъ безстыжій,
И грудь и твердую и каменную
И духа кротость пламенную
Какъ часто послѣ мы жалѣемъ
О томъ, что раныше бросимъ!
И взоромъ нѣжности лелѣемъ
Моголь ей молвить «просимъ»
Насъ не забывать
И этотъ камень дикий; какъ кровать
Онъ благо замѣнялъ постели.
Когда съ высокой ели
Насмѣшники свистѣли.
Златые свиристѣли
И съ благословящей улыбкой
Она исчезаетъ ласковой ошибкой.

КРЫМСКОЕ.

Вольный размѣръ.

Турки.
Вырея блестящаго и мимоходомъ всегда — окурки.
Валиются на берегу.
Берегу
Своихъ рыбокъ
Въ ладоняхъ
Сослоненныхъ.
Своихъ улыбокъ
Не могутъ сдержать бѣлокурые
Турки.
Иногда балогурятъ.
Море въ этомъ заливѣ совсѣмъ засыпаетъ.
Засыпаютъ
Рыбаки въ море неводъ.
Небо тамъ золото:
Посмотрите, какъ оно молodo!
Но рыбаки не умѣютъ:
Наклоняясь, сѣти сѣютъ.
Точно ихъ немнogo.
Ахъ! мнѣ грустно!
И этотъ вѣчный по песку хрустъ ногъ!
И наклоняясь взять камешекъ,
Чувствую, что нужно протянуть руку прямоеще.
Бѣжитъ на моря сини
Вѣтеръ сладостно сѣя
Запахи маслины,
Цвѣтокъ Одиссея.

И море шепчеть «не вы»
И девушка съ дальней Невы.
Протягивая руки, шепчеть: «моречко!»
А воробей проносить съмячко...
Ахъ! я усталъ одинъ таскаться!
А дитя, увидѣвъ солнце, закричало: «цаца!»
И пока расцвѣтаетъ, смѣясь, семья прибаутокъ,
Изъ рученки
Мальченки
Мчится камень віясь въ убѣгающихъ утокъ.
Сыпется, віясь, дождь въ упливающихъ утокъ.
Кто-то платкомъ машетъ.
Возгласы: мамаша, мамаша!
Море ласковой мѣрой
Вѣть полуденнымъ золотомъ.
Ахъ, обѣ эту пору всѣ мы вѣримъ,
Всѣ мы молоды...
И нѣтъ ничего невообразимаго,
Что въ этотъ часъ
Море гуляетъ среди насъ,
Надѣвъ голубыя невыразимыя...
Во взорахъ — песъ, камень,
Дорога пролегла песками,
Тамъ подъ руководствомъ маменьки
Барышня учится въ воду камень кинуть.
О этотъ рыбы въ неводѣ ловъ!
И крикъ невидимыхъ орловъ!
Отсюда далеко все ясно въ водѣ.
Гдѣ очами бесплотныхъ тучи прошли,
Я черчу: «В» и «Д».
Чьи? не мои.
Мои: «В» и «И».

Когда нибудь стояль здѣсь олень
Вся нѣжная отъ линьки
День! ты вновь стоишь, какъ карапузикъ — мальчикъ,
Засунувъ кулачки въ карманы.
Но вихрь уносить пѣсенъ дальше
И ясны горные туманы.
Отсюда море кажется старательно выполощен-
нымъ чими-то мозолистыми руками въ синѣкѣ.
О, этотъ ясный закатъ
Своими красными красками катъ.
Бѣ было мѣсто боговъ и земныхъ дѣвъ виру,
— Тамъ, въ лавочкѣ, — продаютъ сыръ.
Бѣ шествовалъ богъ — не сдѣланный, а настоящій,
Тамъ сложены пустые ящики.
И снимая шляпу,
И обращаясь къ тучамъ,
И отставивъ ногу,
Немного,
Лепечу — я съ ними не знакомъ —
Коснѣющими дѣтскимъ, несмѣлымъ языккомъ.
Если мое робкое допущеніе,
Что золото, которое вы тянули,
Когда смѣясь рассказывали о любви,
Есть обычное украшеніе Вашей семьи,
Справедливо, то не вѣрю, чтобы вы мнѣ не сообщили
Любите ли вы «тянули»,
Птичку «сплю?»
А также въ наукѣ «русскій языкъ» прошли-ли
Спряженіе глагола «люблю?»
Старое воспоминіе жалитъ.
Тѣни бѣжали,

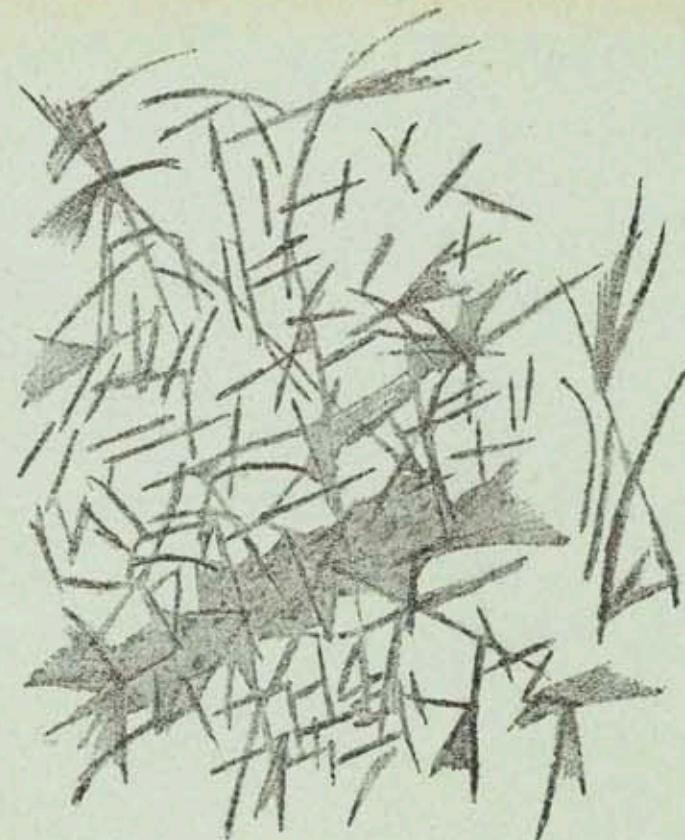
И милая власть жива
И съры кружева
Вътерь, пѣсни съя,
Улетѣль въ свои края.
Все забыло чары дѣль.
Лишь безсмертно вѣю
Я.
Только.
И кромѣ того ставить-ли учитель двойки?

Примѣчанія.

Вырей—Югъ;—куда уносятся осенюю птицы.

„Тинули”—лакомство.

„Сплю”—небольшая совка, распространенная въ южной Россіи.
Турки нерѣдко бываютъ блокурыми.



Михаил
Ларіоновъ
Луговскій
Коріненкі
он
Немцова
Гончарова

ДАВИДЪ БУРЛЮКЪ.

О БРОДНИКАХЪ.

Бродники известны лѣтописи какъ особенные кочевые славяне въ южной Россіи. Дальнѣйшая судьба этого степного племени неизвѣстна. Принято выводить его имя отъ глагола: бродить, вести бродячій образъ жизни. Между тѣмъ, принявъ другое слово производство, можно прійти къ заключенію что это племя юго-западныхъ степей. Принимало участіе въ завоеваніи Сибири. Допустимъ что народъ этотъ получилъ название отъ особенного рода обуви, которую онъ носилъ. Обувь эта въ отличіи отъ сапога не имѣетъ отдѣльной подошвы и выше щиколки туго перевязывается ремешкомъ, чтобы мягкая кожа не спадала съ ногъ. Въ древнѣйшее время она была обувью степного населенія Россіи, какъ свидѣтельствуютъ пластинки и украшенія кургановъ.

Въ наше время ея нѣть въ Евр. Россіи, она вытѣснена сапогами и лаптями. Но въ Сибири до сихъ поръ хорошо извѣстно подъ именемъ бродни и предпочтается другой обуви за ту легкость и свободу движений, которую приобрѣтаетъ въ ней нога. Пѣшій человѣкъ обутый въ бродни уйдетъ въ $1\frac{1}{2}$ раза дальше, чѣмъ обутый въ сапоги съ ихъ неподвижной подошвой. Внутрь бродней кладется солома, чтобы избѣгнуть ушибовъ; то-же дѣлали и скифы какъ это видно изъ раздугости ихъ ногъ. Эта скифская обувь была бы удобнѣе сапогъ для пѣшихъ войскъ, въ особенности въ горной странѣ (въ бродняхъ нога цѣлко охватываетъ камни).

Можно думать, что бродники—обрусьвіе потомки скифовъ, сохранившіе вмѣстѣ съ многими чертами быта и скифскую обувь. Стѣсняемые потоками размножающагося поселокъ въ своей кочевой свободѣ они ушли на востокъ, участуя въ завоеваніи Сибири и распространили среди русского населенія новой страны ту обувь, которая дала имъ ихъ имя.

Не совершенно невозможно, чтобы вожди завоеванія не были бы изъ среды этого племени: Ермакъ и Кольцо могли быть потомками носителей кожанныхъ чулковъ.

Замѣчательно, что одинъ изъ покорителей Амура Хабаровъ былъ, какъ указываетъ его имя, потомкомъ храбрѣшаго племени хозарскаго царства, племени хабары. Оно когда то, стѣсняемое единоплеменниками подымало восстаніе.

* * *

Ор. № 27. Рожденье—сонъ возможный,
Онъ былъ и навсегда
Теперь не сталъ тревожный
Печальный голосъ льда.
Тоскующія нити,
Плывшая бѣда,
Торжественность наитій
Влечеть туда...
Тамъ безконечно пьяны
Сосновые лѣса.
Провалы и изъяны
Черта и полоса.
О содрогайся гордо,
Проваль, ударъ, тупикъ.
Измѣна всѣмъ аккордамъ,
ОГНЕДЫМЯЩІЙ ПИКЪ.

1909.

* * *

Ор. № 28. Кто стояль подъ темнымъ дубомъ
Инстру- И, склоня ликъ лиловый
ментовано Извивался прянѣмъ кубомъ,
на «С» Оставался вѣчно новымъ,
Сотрясая толстымъ шлемомъ,
Черепашней скорлупой,
Ты клялся всегда триремамъ,
СТРАЖНИКЪ РАДОСТИ СЛѢПОИ. 1909.



Д. Бурлюкъ.

* * *

Ор. № 29. Стремглавъ болящій КОЛОСЬ,
Метла и Эфіопъ,
Сплетеня разныхъ полосъ,
Разноголосый снопъ,
Валетающія ПЧЕЛЫ,
О милый малый поль
Дразнящіе глаголы,
Коралловый аттолъ.
Какъ вѣръ листья пальмы.
Явь, синь и кружева.
Отринули печаль мы,
Ревъ изумленный льва.
ЛИЛОВЫЕ АРАБЫ...
Тяжелая чалма....
Ахъ, вѣрно вкусны крабы....
Пятнистая чума.

1909

* * *

Ор. № 30. Внизу журчить источникъ свѣтлый,
Вверху опасная стезя,
Созвѣздія вздымаютъ метлы,
Надъ тихой пропастью скользя.
Мы всѣ прилипли къ коромысламъ
Подъ блескомъ ясной синевы,
Не уклоняяся отъ смысла
И Я, и ТЫ, и МЫ, и Вы.

1908.

* * *

Ор. № 31. Среди огней подъ чернымъ небомъ,
Безликой прелестью жива,
Вознесена къ суровымъ требамъ
Твоя поспѣшино голова.
За переулкомъ переулокъ,
Сожравши потрясенный мостъ,
Промчипшися мимо мѣдныхъ булокъ,
Всегда, сияющей и простъ.
А тамъ, на синей высотѣ
Кружитъ твоя прямая стрѣлка,
На каждой времени верстѣ
Торчитъ услужливо горѣлка.

1909.

* * *

Ор. № 32. Стальные, грузные чудовища
ОРАНЖЕВЫЙ подъемлють крикъ,
Когда ихъ слышу ржанье, новъ еще
Мнѣ жизни изможденный ликъ.
На колеяхъ стальныхъ, жестокія,
Гилотинами колесь,
Стуча, трясете, многоокія,
Нѣмую землю — тропъ хаосъ.
Вы въ города обледенѣлые
Брываетесь изъ темныхъ нивъ,
Когда ЧАСЫ лукаво СПѢЛЫЕ
Свой завершать живой приливъ.

1908.

Оп. № 33. ТРУБА БЫЛА зловѣще ПРЯМОЙ
ОПАСНАЯ ЛУНА умирала,
Я шелъ домой,
Вспоминая весь день сначала.
Съ утра было скучно,
Къ вечеру былъ стыдъ.
Я бытъ на площади тучной
И вдругъ заплакалъ навзрыдъ.
Труба была трагически прямой,
Зловѣщая луна УМЕРЛА.
Я такъ и не пришелъ домой,
Упавъ у темнаго угла.

1909.

* * *

Оп. № 34. Какой глухой слѣпой старикъ!
Мы шли съ нимъ долго косогоромъ,
Мнѣ надоѣль упорный крикъ,
Что называлъ онъ разговоромъ,
Мнѣ опротивѣли глаза,
Въ которыхъ больше было гноя,
Чѣмъ зрѣнія, ему стезя
Была доступна,—вель его я.
И вотъ пресѣкся жалкій день,
Но къ старику нѣть больше злобы,
Его убить теперь мнѣ лѣнъ,
Мнѣ мертвой жаль его утробы.

1907.



Д. бурлюкъ.

* * *

Ор. № 35. У радостныхъ воротъ,
Поникшій утомленно,
Подъ тяжестью огромной
Желаній рабыихъ—кротъ,
Иль сглазили со стѣнъ
Иль передъ узкимъ входомъ,
Сраженный цѣпкимъ годомъ,
Ты самъ отринулъ плѣнъ.

1910.

* * *

Ор. № 36. «ЛАЗУРЬ БЕЗЧУВСТВЕННА», — я убѣжалъ
старуху,
«Оставь служить скелетамъ сиплыхъ травъ,
Оставь давить раскормленную муху,
Вождя назойливо взлетающихъ оравъ».
Съ улыбкой старая листамъ рѣчей внимала,
Свивая сѣть запутанныхъ морщинъ,
Срѣзая зломъ уснувшаго металла
Неявный снопъ изысканныхъ причинъ. 1910.

* * *

Ор. № 37. Вечеръ гніенья
Старость тоскливо
Забытое пѣнье
Лиловымъ стремленье
Блѣдное грива
Плакать страдалецъ
Тропы залива
Сироты палецъ.

1911 г.

Примѣчаніе. Лейтъ—слова: подчеркнуты величіемъ. Авторъ.

* * *

Ор. № 38. Темный злоба головатый,
Сѣро глазое пила
Утомленный родила
Звѣздъ желательное латы.

* * *

Ор. № 39. Какой позорный черный трупъ
На взмыленный дымящій крупъ
Ты взгромоздилъ неукротимо...
Желѣзный грузъ забытыхъ словъ
Ты простираешь мрачно вновь
Садовъ благословенныхъ мимо.
Подъ хладнымъ озеромъ небесь,
Какъ безконечно юркій бѣсь,
Прельстившійся единой цѣлью!
И темный ровъ и сѣрий крестъ
И взгляды запыленныхъ авѣздъ
Ты преэрѣль трупною свирѣлью.

1912.

1911.

* * *

Ор. № 40. Передъ зеркаломъ свѣча
Съ странной миной палача
У дѣвичьяго плеча
Острѣ влечитъ меча,
Вокругъ ея ночная тьма,
Изступленная зима
Угловата и прямая,
Оковавшая дома.

1901.

НИКОЛАЙ БУРЛЮКЪ.

СБѢЖАВШІЯ МУЗЫ.

Были сумерки. Еще безсильный послѣ долгой болѣзни вышелъ покачиваясь, въ полутемную залу и сталь у окна. Прислонившись лбомъ къ холодному стеклу смотрѣлъ какъ постепенно угасали послѣдние отблески зари и застывали деревья.

Кружилась голова и во рту было сладко какъ отъ варенья.

Снаружи не доносилось ни звука и лишь въ комнатахъ потрескивала мебель.

Вдругъ обернулся:—за дверью шептались. Прислушался;—ни шороха. Конечно показалось,—шумъ въ ушахъ, знаете, послѣ долгой болѣзни.

Задумался и присѣлъ на край стула. Зыбкій свѣтъ звѣздъ не могъ разогнать тьмы глубокой комнаты.

Что это? Сдавленный женскій смѣхъ и шорохъ платья у двери въ библиотеку.

Потомъ различилъ:—«Тише! Онъ спитъ! Снимите ботинки!»—Заскрипѣла дверь и вошли. Слышны были только шаги и прерывистое дыханіе. Минуту спустя все затихло. Пошевельнулся и каплюнулъ:—ни звука. Всталъ подошелъ къ двери и попробовалъ—заперта. «Не хорошо, галлюцинаціи—рано поднялся».

На слѣдующій день всталъ около одиннадцати и, позавтракавъ, пошелъ въ читальню. Всюду легла пыль и фотографіи съ греческихъ и римскихъ памятниковъ пожелтѣли, а на снимкѣ съ любимаго остійскаго саркофага съ удивленіемъ замѣтилъ исчезновеніе музъ. Лишь кое-гдѣ лежали—гдѣ недописанный папирусъ, гдѣ котурны и трагическая маска, а флейта Эвтерпы валялась разбитая на куски.

ПОЛУНОЧНЫЙ ОГОНЬ.

Рокотъ экипажа и прохлада ночи усыпили путника. Гармонія движенія и покоя превратилась въ музыку, къ которой подъ самое утро присоединились фырканье лошадей и ободрительные окрики возницы.

Проснувшись, Василій увидѣлъ между коренникомъ и пристяжной телеграфный столбъ смущенного кучера и понялъ причину шума. Отрезвленный маленькимъ происшествіемъ, уже не могъ спать и только вникалъ въ послѣдніе аккорды ночной игры.

Скоро показалась деревня и когда подѣхали къ крыльцу солнце бросало первые лучи на верхушки сада.

Потихоньку вошелъ въ незапертый домъ. Всѣ домашніе спали. Въ полутемныхъ комнатахъ теплый воздухъ ласкалъ и валилъ на постель. Не сопротивляясь сладкому позыву, пробрался въ свою комнату и легъ. Послѣднимъ звукомъ донесшимся до его слуха былъ кошачій крикъ павлиновъ.

Когда проснулся—вечеръло. День ушел и края тучь уже чуть-чуть розовѣли. Братья и сестры ушли въ садъ. Спросилъ у матери пріѣзжалъ кто нибудь во время его отсутствія. «Никто, а вотъ письмо такъ есть...» Конвертъ узкій и длинный, незнакомый почеркъ. Распечаталъ и заглянулъ—сухой дубовый листъ и больше ничего.

Кто могъ пошутить?

Солнце изъ-за плѣсени тучь едва значилось краснымъ огнемъ. Въ саду и тихо и пустынно. Встрѣтилъ дочь механика. «Какъ, вы, Вася съ краснымъ левкоемъ?» Отвѣтилъ важно:—«сожигаю неэрѣлія надежды».

Всюду запылалъ огонь. Въ домѣ—гдѣ голубѣла лампа, гдѣ шаталась зыбкая свѣча. У бани языки лизали стѣну и на фонѣ ихъ источниковъ—истопникъ, можетъ-быть одинъ изъ отроковъ.

Хотя былъ августъ—легъ на террасѣ.

Легкій вѣтеръ несъ съ моря обрывки тумана и шуршалъ въ деревьяхъ.

Проснулся отъ холода—сползло одѣяло, можетъ быть кто-то дунулъ. Тихій туманъ залилъ садъ. Подушка и волосы влажны и холодны. Сквозь бѣлый сумракъ перекошенная луна никла въ темныхъ пятнахъ тучь. Въ душѣ течеть вода. Кто это можетъ такъ поздно мыться? Крикнулъ: «Эй, кто тамъ купается?» Отвѣта нѣть. Василій всталъ и нагой пошелъ къ душѣ. Дверь открыта и на скамейкѣ нѣть одежды. Вода падаетъ полнымъ столбомъ, а въ немъ блѣдная фигура чужого юноши. Зеленое лицо покрыто струями, глаза закрыты. Вода рѣзво бѣжитъ и съ шумомъ растекается по полу, а незнакомецъ недвижимъ и безмолвенъ. Вдругъ сзади на порогѣ зашуршало. Василій обернулся и уви-

дѣлъ языкъ пламени. Онъ осторожно переползъ на постилку душа. Потомъ мимо Василія онъ, шурша и извиваясь, съ голубымъ дымомъ, покатился къ струѣ воды. Чужой юноша, увидя огонь, заерзаль и скакалъ, но огонь уже замѣтилъ его. Потрескивая по мокрымъ доскамъ, овился вокругъ звонкой струи. Юноша позеленѣлъ еще болѣе, а огонь прогрызъ водяную броню и приникъ къ его тѣлу. Бѣлые жилки побѣжали наискось по тѣлу незнакомца, а между ними зеленѣла тонкая плоть листа. Пламя желтой гусеницей изгрызло листъ, вода глухо ниспадала, а Василій смотрѣлъ. Гусеница на листѣ свила вокругъ себя коконъ, а листъ пожелтѣлъ и скрутился. Вода со стономъ убѣгала по темному полу. Въ маленькое окошко подъ крышей глянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ истощенную струю. Скудныя нити воды заблестѣли подъ мутнымъ свѣтомъ и болѣе и ничего не увидѣлъ.

НА ВЪЗДНИЦА.

Милой Симъ.

Мы воду пьемъ—кто изъ стакана,
А кто прильнувъ къ струѣ устами,
Въ пути и въ хижинѣ желанна
Она прозрачными перстами.

Весной—разлившися рѣкою
Гнетъ затопленыя деревья,
И, изогнувшись за лукою
Стремится непреклонность дѣвъя.

Мы воду пьемъ—кто изъ стакана,
А кто прильнувъ къ струѣ устами
Среди весеннаго тумана
Идя полночными брегами.

Не видно звѣздъ, но сумракъ свѣтель
Упавъ въ серебрянныя стѣны.
Въ поляхъ наѣздницы не встрѣтилъ
Лишь находиль обрывки пѣны.

Но сквозь туманъ вдругъ слышу шопотъ
И вижу какъ, колебля иву,
Струя весны, забывши ропотъ,
Несеть разметанную гриву.

Я.

1901 г. И въ комнатѣ тихіе углы
Студеной ночи воздухъ зимній
Нисходить холода полы
И мразъ бодрить какъ строгій схимникъ.
А за окномъ звѣзу слѣдя
Смѣются дѣвушкіи безпечно
И путь небесь—напитокъ млечный
Имъ материнства череда.

1910 г. Въ полѣ вѣтра пьяный бредъ
Декабрь И коляски темный верхъ
Точно дѣвы капюшонъ.
Гаснетъ дня послѣдній свѣть
Зимній вечеръ день повергъ
Сумракъ бури звѣздъ лишенъ.
Кони рады ласкамъ вьюгъ
Кобылицамъ хладныхъ пургъ
Ихъ развѣянныя гривы
Свиты съ гривами подругъ
Вѣтръ степей сѣдой теургъ
Сыплеть пѣною игривой.

1910 г. Съ легкимъ вадохомъ тихимъ шагомъ
Черезъ сумракъ смутныхъ дней
По равнинамъ и оврагамъ
Древней родины моей,
По ея лѣснымъ цвѣтамъ,
По невспаханнымъ полямъ,
По шуршащимъ очеретамъ,

По ручьямъ и болотамъ,
Каждый вечеръ ходить кто-то
Утомленный и больной
Въ голубыхъ глазахъ дремота
Грѣеть вѣшней теплотой.
И въ плащѣ ночей широкомъ,
Плещеть, плещеть на рѣкѣ,
Оставляя ненарокомъ
Слѣдъ копыта на пескѣ.

1910 г. Какъ послѣ этого не молвить
31-го Что тихой осени рука
августа Такъ нѣжно гладить паука
Желая тайный долгъ исполнить.
Какъ послѣ этого не вянуть.
Цвѣтамъ и маленькой травѣ,
Когда въ невольной синевѣ
Такъ облака готовы кануть.
Какъ послѣ этого не стынуть
Слезами смоченнымъ устамъ,
Когда колеблешься ты самъ
Пугаясь смерти жребій вынуть.

1910 г. Проходить дни невольной страсти
августа Цвѣтутъ деревья и вода
Земли зеленая руда
Плететъ узорчатыя снасти.
Чернѣеть оставъ корабельный
И осени уже рука
Канатъ работы паука
Кидаетъ въ воздухъ безпредѣльный.

1910 г. Я мальчикъ маленький—не болѣ,
декабрь. А можетъ-быть, лишь внукъ дѣтей
И только чувствую острѣй
Пустынность горестнаго поля.

1910 г. Что если я, блуждая втунѣ
сентябрь. По этимъ улицамъ и днямъ,
Веселый странникъ наканунѣ
Пути къ далекимъ островамъ.
Что если я совсѣмъ случайно
Попалъ подъ Сѣверный вѣнецъ
И скоро выйду наконецъ
Изъ жизни сумрачныя тайны.
Что если я, заснувъ въ туманахъ,
Печально плещущей Невы,
Очнусь на солнечныхъ полянахъ
Въ качаны вѣтренной травы.

1910 г. Какъ станеть все необычайно
И превратится въ міръ чудесъ,
Когда почувствую случайно
Какъ безпредѣленъ сводъ небесъ.
Смотрю-ль на голубей и галокъ
Изъ оконъ дома моего,
Дивлюся болѣе всего
Ихъ видомъ зябнущихъ гадалокъ.
Иль выйду легкою стопой
На Петербургскій троттуаръ
Спѣшу вдохнуть квартиръ угаръ.
Смущаюсь тихою толпой.

ВЛАДИМИРЪ МАЯКОВСКІЙ.

* * *

Въ шатрахъ истертыхъ масокъ цвѣль гдѣ
Изъ ранъ лотковъ сочилась клюква
А сквозь меня на лунномъ сельдѣ
Скакала крашенная буква

Ббиваю гулко шага сван
Бросаю въ бубны улицъ дробъ я
Ходъбой усталые трамваи
Скостили синихъ молній копья

Въ рѣзкой рукѣ единый глазъ
Кривая площадь кралась близко
Смотрѣло небо въ бѣлый газъ
Безглазымъ лицомъ Василиска.

ОТПЛЫТИЕ.

простыню водъ подъ брюхомъ крылій
порвалъ на волны бѣлый зубъ
быть вой трубы какъ запахъ лилій
любовь кричавшихъ мѣдью трубъ
и взвизгъ сиренъ забыль у входовъ
недоумѣные фонарей
въ ушахъ оглохшихъ пароходовъ
горѣли серги якорей

А. КРУЧЕНЫХЪ.

МЯТЕЖЪ НА СНѢГУ.

Слова съ чужими брюхами и др.

Сарча, кроча буга на вихроль опохромѣль пяти
конепыть проѣздоаль вза спренѣкурый смѣлубъ взшубъ
выньку женрогуловарый спарь въ томъ еже спиноброн-
хиному бурль се вотарнъ сумре на ванишестъ сенъ
гирно купъ вспадина.

Дверь
свѣжіе маки
распѣлую
пышетъ
закать
мальчикъ
собачка
поэть
младенчество лѣтъ

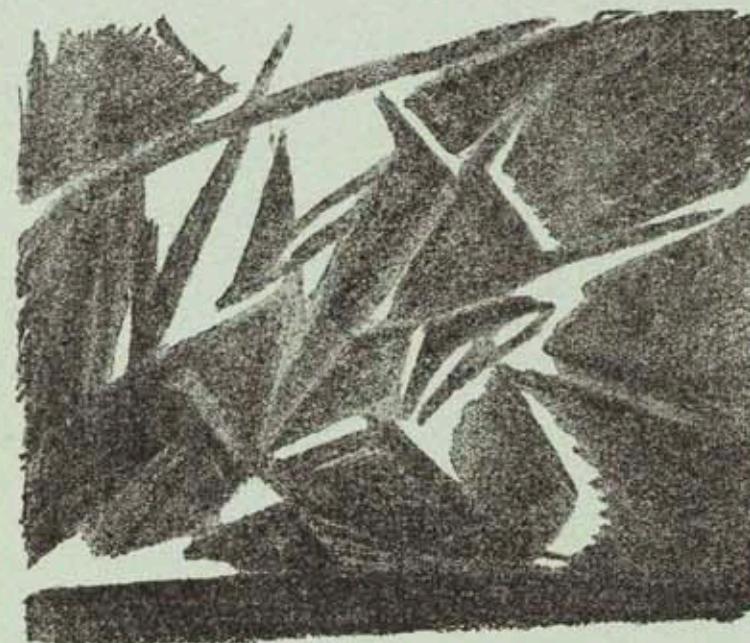
Ударъ
ножъ
токъ
посинѣло
живи
живешь умираешь

жизнь скучнѣе смерти
смерти
живи мертвѣцъ
сосущій мертвыхъ
всегда свѣжихъ
и такъ живу
полый
протухъ

Пѣтухъ мудрости.

Убывала вода А
въ бѣлыхъ коняхъ не было воды Э
старцы подкатываютъ пальму
изсохла пещера
въ ней явства Е
благодатныя мысли прорѣзываютъ потолокъ

износились всѣ слова на коняхъ
застыло олово висять портки
мудрецы безъ работы зѣваютъ
зѣвъ змія зѣвнуль проглотиль
озъ паръ отъ лошади тѣло
научился самъ ловить раковъ
питаюсь бей надувалу ого-го



Наталия Гончарова - Голова клоуна

О—

ой и душно мнѣ не пускаютъ
плетка въ носъ лѣзутъ
мудрецы живутъ долго день долгій
а другіе качурятся
ни въ тебѣ ни въ себѣ не
нахожуся НѢТЪ горе горе
и сталь я видѣть вдоль и по-
перекъ ничего не вижу не
сидять на рѣкѣ благополучной
не скучной жуточъ дыни пѣтухъ
бѣгаетъ клюетъ
умилялся ножъ и не рѣжетъ
такъ было раньше
а написанное раньше—теперь.

ЕЛЕНА ГУРО.

Изъ цикла «НЕБЕСНЫЕ ВЕРБЛЮЖАТА».

Посвящается Ольгѣ
Громозовой.

Газетное объявление.

Верблюжьяго пуха, особо теплыхъ фуфайки
кальсоны, чулки и наживотнички.

Это дѣлается такъ: ловятъ въ засаду молодыхъ
свѣтлыхъ духовъ, длинноватыхъ и добрыхъ, похожихъ
на золотистыхъ долговязыхъ верблюжатъ, покрытыхъ
пухомъ святого сіянья. Сгоняютъ ихъ въ кучу, щелкая
по воздуху бичемъ, и нѣжная добродушная созданья,
слишкомъ добрыя, чтобы понять, какъ это дѣлаютъ
боль, толпятся, тѣснятся, протягивая другъ черезъ друга
шеи, жмутся о грубую загородку, теряя съ себя въ
тѣснотѣ свой нѣжный пухъ.

Этотъ-то пухъ небесныхъ верблюжатъ особо теплый
весеннимъ живоноснымъ тепломъ и собираютъ потомъ
съ земли и ткуть изъ него фуфайки.

— А какъ-же бѣдныхъ бѣдныхъ верблюжатъ такъ и
убиютъ?—Спросили меня съ беспокойствомъ.

— Чего ихъ убивать, ихъ погоняютъ, погоняютъ, пока
пухъ съ нихъ пообойется, да и выпустятъ обратно въ
небо до слѣдующаго раза, а пухъ у нихъ отрастаетъ
въ одну минуту еще лучше прежняго.

На еловомъ поворотѣ.

Крѣпите снасти!
Нордъ-Вѣсть!
Смѣльчакомъ унеслась
въ небо вершина
И стала недоступно
И строго
на краю,
Отъ ея присутствія — небо—выше.

Этого нельзѧ же показать каждому?

Прости, что я пою о тебѣ береговая сторона
Ты такая гордая.
Прости что страдаю за тебя—
Когда люди, не замѣчающіе твоей красоты,
Надругаются надъ тобою и рубятъ твой лѣсъ.
Ты такая далекая
И недоступная.
Твоя душа исчезаетъ какъ блескъ—
Твоего залива
Когда видишь его близко у своихъ ногъ.
Прости, что я пришелъ и нарушилъ—
Чистоту, твоего одиночества
Ты царственная.

Весна, весна!

Какой смѣшной быль верблюжонокъ—прилежный.
Старательно готовился къ экзаменамъ и потомъ про-
валивался отъ застѣнчивости, да чудачества. А по за-
рямъ, чѣмъ-бы прилечь носомъ въ подушку,—украдкой
писалъ стихи.

Отъ прилежанія отнималъ у себя радость первыхъ
листьевъ въ весеннемъ небѣ. А не умѣть, чтобы брюки
не вылезали изъ за пояса и чтобы рубашка не висѣла
мѣшкомъ, и передъ чужими было бы ловко.

Не умѣть представится, что не想要 играть въ
лаунъ-тенисъ,—и видѣли всѣ, что не умѣеть отъ за-
стѣнчивости, и что想要 застѣнчивость скрыть и
тоже не умѣеть, и мучительно знать онъ, что на самой
спинѣ у него читаются, какъ ему невыносимо неловко...
И онъ видѣль потому веселье чаще всего удаляющимся,
или мелькающимъ вдали сквозь деревья.

Да, но на днѣ зеркальныхъ озеръ ясняется журав-
лины нетронутыя зори. Одинокія чистыя небеса.

Когда верблюжонокъ смотрѣль на небо, въ розо-
вомъ небѣ разливался родной теплый край.

* * *

О, полной чашей богато ты—сердце, во все по-
вѣрившее.

* * *

Раздумыи—возвеличенныя одиночествомъ.

Поймутъ-ли это тѣ,—чья судьба всегда грѣться у
чужихъ огней? Чужие огни даютъ мало тепла:—и отъ
нихъ часто прогоняютъ.

Объщаемся не опускать глаза, когда нась встрѣтять съ насмѣшкой тѣ, кого мы любимъ. (И тѣ кому мы вчера вѣрили—или еще сегодня утромъ). Нѣть! Мы примемъ ихъ насмѣшку въ тихіе, ясные, широко раскрытые наши глаза и будемъ ее носить на груди нашей, какъ орденъ, не скрывая.

Это насмѣшка того,—кому я хочу счастья...

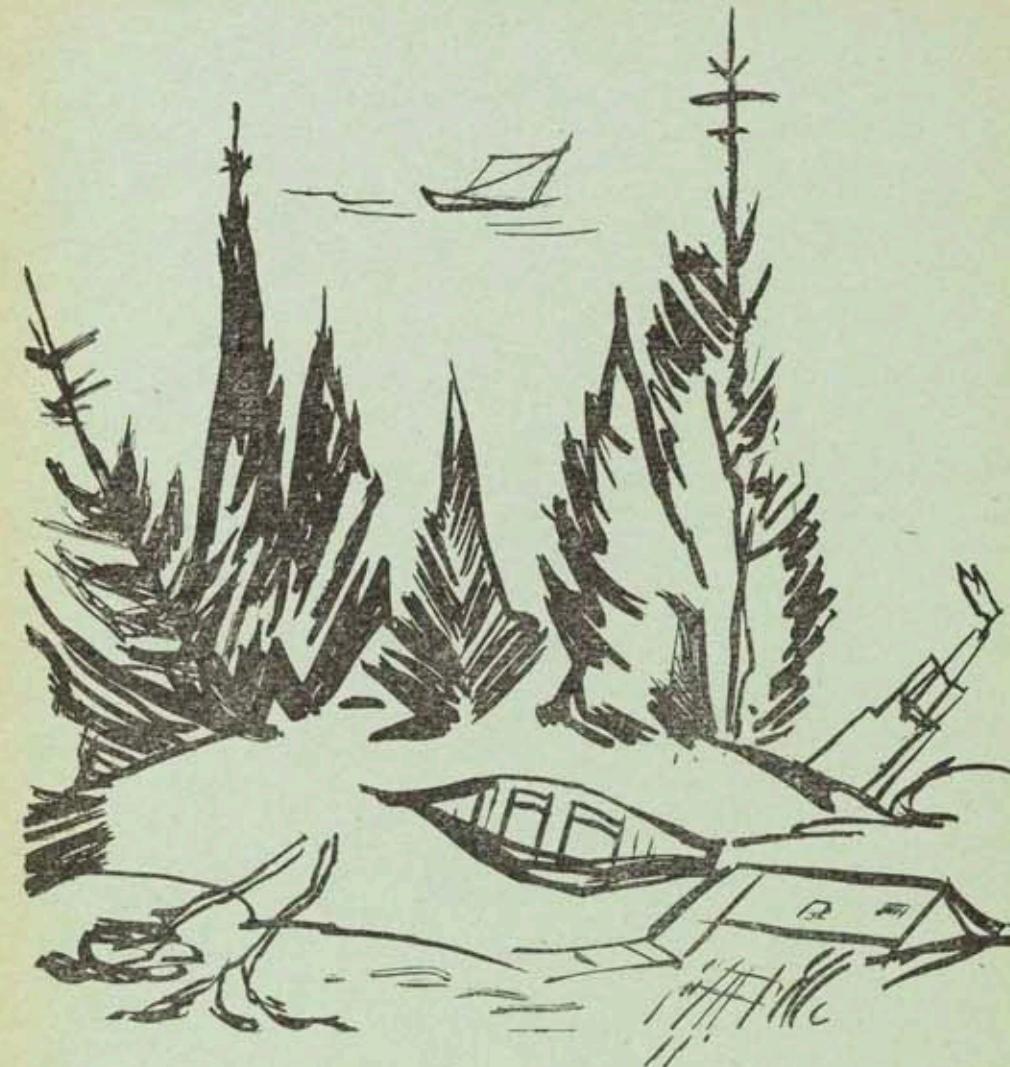
Всѣ мои мечты да соберутся вкругъ твоей головы: мечты счастливаго мечтателя,—вкругъ тебя мой бѣдный, бѣдный насмѣшникъ.

* * *

Я глупъ, я бездаренъ, я неловокъ, но я молюсь вамъ высокія елки. Я очень даже неловокъ, я—трусь. Я вчера испугался человѣка, котораго не уважаю. Я изъ трусости не могу выучиться ъздить на велосипедѣ. У меня ни на что не хватаетъ силы воли, но я молюсь вамъ высокія елки.

Я вчера доброй дамѣ, которая дала мнѣ молока и бисквитовъ, не рѣшился признаться, что я—пишу декадентскіе стихи, изъ мучительного страха,—что она спросить меня, гдѣ меня печатаютъ? И вотъ сказалъ, что главное призванье моей жизни съ увлеченьемъ давать уроки. Сегодня я отъ стыда и раскаянія—колову себя . . .

Я вчера кончилъ стихи совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлъ, но я зналъ, что надомной будутъ смѣяться... Но вотъ всѣ пошли на гуляніе къ вокзалу,—а я молюсь вамъ высокія елки, безъ васъ я очень глупъ, очень . . .



Б. Буро.

У песчанаго бугра въ голубой день.

Воть, стоять цари, увѣнчанные свѣчами...

Въ свободной,—свободной высотѣ, надъ вѣнцомъ царей, пустой флагштокъ нѣжно сверлить голубизну...

Здѣсь я даю обѣтъ: никогда не стыдиться настоящей самой себя. (Настоящей, что пишетъ стихи, которые нигдѣ не хотять печатать). Не конфузиться, когда входишь въ гостинную, и какъ-бы много не было тамъ непріятныхъ гостей,—не забывать, что я поэтъ, а не мокрица...

И не желать никогда печататься въ ихъ журналахъ, не быть, какъ всѣ, и не отнимать жизни у животныхъ.

Почему я и это думаю?

Поэтъ—даятель, а не отниматель жизни... Посмотри, какой міръ хорошенький,—вымытый солнцемъ и уже—вѣрить въ твое чувство и твои будущія писанія и глядить на тебя съ благодарностью...

Поэтъ даятель жизни, а не обидчикъ отниматель. И обѣщаю не стѣсняясь говорить элегантнымъ охотникамъ, какъ-бы они ни были привлекательны, что они подлецы—подлецы!!!

И пусть за мной—никто не ухаживаетъ, я сильна! Но сдержу-ли я свое слово?.. Сдержу ли я его?

Я сжимаю кулаки, но я одна и кругомъ величественно.

Это быстро у меня проходитъ. . . .

Моя рука подняла камушекъ и бросила... кружась спиралью онъ очертилъ арку надъ краемъ лѣса въ голубой странѣ... Онъ былъ всю жизнь на землѣ и вдругъ моя рука ему дала полетъ... Пролетая голубизну,—блаженствоваль-ли онъ?



Б. Іуро.

* * *

Развѣваются зеленыя кудри въ небѣ.
Небо смѣется.
Мчатся флаги на дачахъ,
струятся съ гордыхъ флагштоковъ,
плещутъ въ голубомъ вѣтре.

* * *

Вѣтрогонъ, сумасбродъ, летатель,
создаватель весеннихъ бурь,
мыслей взбударенныхъ ваятель,
гонящий лазурь!
Слушай, ты, безумный искатель,
мчись, песясь,
проносись нескованый
опьяниитель бурь.

* * *

Поклянитесь однажды, здѣсь мечтатели,
глядя на взлетъ,
глядя на взлетъ высокихъ елей,
на полетъ полетъ далекихъ кораблей,
глядя какъ хотять въ небѣ островерхія,
никому не вѣряя гордой чистоты,
поклянитесь мечтѣ и вѣчной вѣрности
гордое рыцарство безумія,
и быть вѣрными своей юности
и обѣту высоты.

Вечеръ. Длинныя, тонкія, чуть-чуть грустныя полосы
на небосклонѣ.

«Видите! надо иногда пройти босикомъ по крапивѣ
Сказаль и смолкъ и самъ подумаль: «Ну что жъ значитъ
надо». Думалъ и покусывалъ пальцы. Жалѣль что
сказалъ.

Это былъ очень застѣнчивый чудакъ. Отойдя въ
сторону надъ нимъ уже насыпливо смѣялись. Въ небо-
склонѣ надъ плоскимъ пескомъ дюны, завинчивала чайка
ржавую гайку. Сосны Калевалы побережья, взмахнувъ,
отѣхали. Не было плеска. И у берега лежалъ вечер-
ний переполненный безмолвиемъ свѣтлый глазъ.

Мечтательная страна,
сѣверная сторона.
вечерняя сторона
безбрежный взоръ
великій и великодушный.

Въ небѣ была удивительно свѣтлая полоса. Онъ
этого хотѣлъ такъ, и ему дѣйствительно приходилось
за это ходить босикомъ по крапивѣ... Потому она его
и оставила.

Ей казалась стыдно и смѣшно, когда обожженная
босая нога невольно вадрагивала. А онъ былъ
простодушный, онъ смѣло лѣзть черезъ крапиву, боси-
комъ. Но иногда у него отъ боли—смѣшно дергалась
при этомъ нога.

Этого-то ему и не простили.
Бѣдная красавая барышня,—она не умѣла летать!

* * *

Отъ счастья лѣтняго рождаются слова! все хорошия
слова:

Прудикъ, водикъ,
бродикъ,
верблюдикъ,
растерятикъ,
параходикъ.

А параходикъ со звонкой, красной Американской
полосой сегодня утромъ видѣли съ балкона.

* * *

Ахъ! какая лодка! У нея веселый носъ крутыя
ребра,—вся она веретенцомъ: бѣлая, съ красной и зе-
леной полоской. Идетъ и ныряеть, ныряеть носомъ:
такъ и рѣжетъ волны: съ ней размечтаешь не на
шутку,—летить! Перегони пароходъ! Ну ихъ! Поцѣлуй,—
поцѣлуй синюю волну!..

Наше вамъ! очарованной бѣлой принцесъ—башнѣ
маяка.

Ну, ныряй! ну еще!—еще!.. Ну,—еще-же! Зовутъ ее
«Рыбка».



E. Tjuro.

Лодочка.

Хоръ.

У него-ли рыбочка
Лодочка весна
Дотого-ли ходкая
Завидно ладна!

Онъ.

Рыбка моя лодочка
не посмѣй тонуть
Съ красной да полосочкой,—
ходкая мигнуть.

Хоръ.

Лодка лодка лодочка—
одного мигнуть
Не посмѣй рыбешечка
затонуть.

Онъ.

Ладна, ладна лодочка,
да во днѣ дыра
Подвела малюточка
къ рыбкамъ привела.

Хоръ.

Ахъ его-ли лодочка
да не хоть куда
до краевъ маленечко
тина, да вода.

Песня о славныхъ калошахъ.

Да здравствуютъ гордые калоши! Кто встрѣтить въ лѣсахъ Балтійского побережья пару калошъ, безъ человѣческихъ жалкихъ ногъ,—да узнаетъ—это вѣдь мои калоши. Они были слишкомъ славны и велики, слишкомъ велики—что бы держаться на ногахъ. Воз-вышенныя! Счастливъ тотъ,—кого назовутъ они другомъ,—на чьихъ ногахъ они согласятся путешествовать... Они всегда презирали меня.

Дождикъ, дождикъ, звени на крышахъ дачъ славную пѣснь о свободныхъ калошахъ!.. Они были такъ благородно независимы и салонно воспитаны,—что почти никогда не оставались въ передней... Нѣты!.. И я замѣчалъ это лишь тогда, когда они уже успѣвали достойно заслужить вниманье всѣхъ сидящихъ въ гостинной...

Я не завистливъ,—но на нихъ всегда обращали—гораздо больше вниманія чѣмъ на меня... Я не вынесъ соперничества...

И вотъ, одинокія гордые немножко унылые—они—свободны. О, калоши, калоши, гордые калоши съвера!

* * *

Эхъ ты! У тебя рубашка выльяла надъ поясомъ!
Хоть полпуда муки высыпай тебѣ въ рубашку.
Что разставилъ граблями пальцы—Эй ты, мямяля!
Ну, что уставился, да еще раскрылъ ротъ!
Ты правишь лодкой?
Нѣть.

А лошадью?

Нѣть.

А дерешся?

Нѣть, право, оставь меня!

«Что жъ ты дѣлашь цѣлый день, длинная просто-
филя?

Да, оставь, ну, не надо...

Эхъ, отколотиль-бы тебя да жаль, и вдобавокъ ты
король, это для тебя, собственно, и небо, и земля...

Да, ну, тебя, ты теперь такъ и простишь розиня
роть до самаго Покрова! Знаешь, что, дамъ-ка я тебѣ
шлепка прямо изъ милосердія, а то простишь вѣдь—
такъ, король, до самого Покрова.

На пескѣ.

Сосновыя шишки выбѣленныя на пустынномъ пескѣ
соленой водой и солнцемъ принимаютъ голубой цвѣтъ.

Въ каждой шишкѣ, въ разгибахъ ея согнутыхъ че-
шуйкахъ кристаллизованная буря. Упорный вѣтеръ,—
кристаллы сѣверного настроенія. Они были собраны въ
шапку и принесены домой,—вмѣстѣ съ раковинами
улитокъ, сомнительно пахнувшими тиной, и хоро-
шенькими сухими шариками, которые дома выбро-
шены встрѣтившими, за свое явно заячье происхожде-
ніе и за которые принесшій быть осмѣянъ. Какъ—
осмѣянъ! Отбиваясь, онъ пробился сквозь кусты—оста-
вивъ на сучьяхъ клочья тонкихъ волосъ и бросился
какъ молодой жираffъ нелѣпыми шагами осмѣяннаго.
Почему? Вѣдь заячий шарики были сухія и очень хо-
рошенькие. Въ округленныхъ ямкахъ песку лежали какъ
въ гнѣздышкахъ.



Е. Туров.

* * *

Выплывали въ море упоенное
смѣлогрудые корабли.
Выплывали вскормленные
нѣжной прихотью весны,
Эхъ! лѣнтий, лѣнтий Ерема,
пролежаль себѣ бока,
вѣтеръ свѣжий, скучно дома.
Небо нѣжная сквозина.

Ты, качай, качайся, лодочка,
у песчаной полосы,
за тобой змѣйки веселые,
отраженья зацвѣли.
Зацвѣли восторгомъ золотомъ,
звонко красной, полосой
за меня рѣзвися лодочка,
шалопаю велять домой.

Розовый вечеръ.

Воть въ розовомъ раю чисто выкупавшагося моря
заблестѣли и поплыли необъяснимыя зеленыя полосы.
И стало жаль ясности и того—чего нельзя выразить,
а объясненія не было. Поплыли полосы зеленаго молодого блеска и отвѣта не было. И все въ глазахъ незвратимо и невыносимо стояль рай свѣта и воды.

Іюнь—вечеръ.

Какъ высоко крестили дальняя полосы, вершины—
Вы царственныя,
Раскажи, о чемъ ты такъ измаялся
вечеръ, вечеръ ясный!
Улетѣли въ верхъ черныя вершины—
Измолились высоты въ мечтахъ
Изошли небеса небеса
О, чемъ ты, ты, изомлѣль—измаялся
Вечеръ—вечеръ ясный?

Пролегала дорога въ сторонѣ,
Не было въ ней пути,
Нѣть!
А была она за то очень красива!
Да, именно за то.
Приласкалась къ землѣ эта дорога,
Такъ прильнула, что душу взяла.
Полюбили мы эту дорогу
На ней поросла трава.
Доля, доля, доляночка!
Доля ты тихая, тихая моя.
Что мнѣ въ тебѣ, что тебѣ во мнѣ?
А ты меня замучила!

Вечеръ.

Эта боль, когда сердце любовью разрывается въ пространство—къ дереву, вечеру небу и кусту. И любить потому, что не любить, что не любить оно не можетъ.

* * *

Море плавно и блеско
Летают ласточки.
Становится нѣжно розовымъ.
Мокнетъ чалочка,
Плыть рыбалочка
Летогонъ, летогонъ,
Скалочка!

Что еще за скалочка? Это просто-такъ, я выдумалъ.
Это очень мило, Скалочка!—Скалочка! Это должно
быть что-то среднее между ласточкой и лодочкой!...

* * *

Дождики, дождики,
Прошумять, прошумять.
Дождики—дождики, вѣтеръ—вѣтеръ
Заговорять, заговорять, заговорять—
Журчать.

* * *

Я знаю, ты вѣришь въ меня. Ты вѣришь, что если
я сижу нелѣпо цѣлый день въ лѣсу, уткнувшись гла-
зами въ кочку, и будто ничего не дѣлаю, то это не
спроста, не даромъ. Что если я говорю о неудачахъ,
то это передъ самыми искренними усилиями.

Ты вѣришь въ меня, ты вѣришь такъ, что умѣешь
ждать за меня. Вѣришь, когда я самъ въ себя не вѣрю,
и—когда вѣрю въ себя какъ въ Бога! Никогда ты не
сердишься на меня за это! А люди вообще за это
сердятся.

Ты вѣришь, дай тебѣ Богъ вѣтеръ родной и род-
ную землю. На родной намъ землѣ ходятъ островерхія
мохнатыя вершины. На родной намъ—лѣсныя дали
безъ конца раскрываются, вершины острыя въ небо
смѣльчаками умчались,—ходить по вѣтру надъ теп-
лымъ картофельнымъ полемъ.

На родной намъ землѣ—иные зори и иной—пѣ-
теръ.

Вдвоемъ.

— «Надо быть чистой искренней душой, чтобы—
стать рыцаремъ.

— «Что-же ты дѣлаешь, чтобы исправиться?

— Я по утрамъ выхожу къ молодой соснѣ, и мѣряю
свое нынѣшнее ощущеніе чистоты съ ея высотой,—но
это почти жестоко...

— И ты это мнѣ рассказалъ! Теперь я вижу ка-
кой ты...

* *

Ты вѣришь въ меня?

— Я вѣрю въ тебя.—

А если они всѣ будутъ противъ меня?

Ну да, какой-же ты, я вѣрю въ тебя.

Если всѣ мои поступки будутъ

позорно противъ меня?

Я-же вѣрю въ тебя!

Въ небо улетаетъ, улетаетъ ласточка — кружится
отъ счастья. На дюнѣ пасмурно, сѣро и тихо.

Куличекъ льнетъ къ песку.

А д а ж і о .

На берегу дюны двѣ сосны имѣютъ форму чаши. Бока золотой божеской чаши — нарисованы ихъ расходящимися стволами. Пока стволы возносятся вмѣстѣ, — это ея подножіе. Верхніе края разогнуты въ облака печальнымъ разгибомъ приморской страны. Въ клочковатой хвѣтѣ, — вихри.

Мы назвали эту чашу, чашей глубины, чашей задумчивости и вѣрности.

Этюдъ молодой сосновой рощи надъ возморемъ.

Пасмурное сиреневое небо — вечерѣеть, какія онѣ стройныя!

Я васъ люблю за то, что вы крылатыя, а крылатость ваша еще съ пушкомъ первой молодости. Этотъ пушокъ золотистый, звенящій, а ваши крылья, ваши крылья надъ моремъ.

Море синее и далекое — полоса до которой летять дерзновенья, а дальше — онѣ сливаются съ синими, и я не знаю дальше мечта или синь лежить.

И не надо, не все-ли равно! пушокъ юныхъ, крылатыхъ героеvъ звенить, — а ихъ стройность иногда не много кривоватая, нежданная, какъ ранній ростъ.

И примчались въ славу и высь въ свою родную страну, гдѣ задумались облака... и больше мнѣ ничего о васъ знать не надо, я вамъ вѣрю — зовете меня голосами отваги, они жгутъ меня какъ пламя чистоты, но вверху, вверху задумались облака надо мн旤:

Я иду, и больше мнѣ ничего знать не надо!

* *

Спрашивалъ ты себя, — зачѣмъ, ты выходишь утромъ на опушку лѣса — и стоишь, тамъ и ждешь? Это мѣсто съ коричневой чистой землей, присоренной крупными иглами. Зачѣмъ это тебѣ надо? и въ то же время это тебя мучаетъ!...

Твоей душѣ тогда холодно. — Зачѣмъ тебѣ это любо?

— Вотъ сейчасъ «оно» откроется, тутъ-же въ молчаніи. Я понесу тогда это въ сердцѣ, боясь сказать о немъ слово. Откроется, то чего ждалось всегда въ раннія суровыя тишины!

Чего ждалось, чего никогда, еще не было но что близко — больно подходить и когда уже любишь его до слезъ — не настаетъ. И только это одно — стоить подвига.

Вотъ зачѣмъ выходить на край голыхъ, высокихъ, одинокихъ стволовъ — и смотрѣть.

Зачѣмъ выходить на нетронутую, чистую землю лѣса и ждать

* * *

Гордо иду я въ пути,
Ты вѣришь въ меня?
Мчатся мои корабли
Ты вѣришь въ меня?
Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный,
Бурей разбиты они
Ты вѣришь въ меня?
Тонуть мои корабли!
Ты вѣришь въ меня!
Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный!

Посвящается несравненному сыну его родины — Паси Яскеляйнену.

ФИНСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Надъ нами, фрачными, корсетными, крахмальными,
ты запѣль пѣсню родины.
Ты изъ насть фрачныхъ, корсетныхъ
выманилъ воздухъ морозный родины.
Вотъ изъ голой шейки дѣвушки
вышло озеро, задутое инеемъ.
Вотъ изъ краснаго уха мужчины
вышло облако и часть лѣса,
а женщина выпустила изъ головы сосны,
а я дорогу и парня въ валенкахъ.
И пришелъ мохъ съ болота и мороазъ.

Полетѣли по снѣгу дровни — Эхъ-на!
полетѣли цѣлиной — Эхъ-на!
черезъ ухабы поскакали — Эхъ-на!



Е. Туро.

На мотивъ
Ală' itke atini!
Не плачь мать
моя родная.

Ты не плачь не жалѣй меня, мама.
ты не порть своихъ глазочекъ.
Далеко раскинулась дорога по бездорожью.
Не ломай руки!
Ты не порть старые глазки!
У тебя сынъ не пропадетъ,
у тебя сынъ изъ можжевельника,
у тебя сынъ — молодой булыжникъ,
у тебя сынъ—молодая вѣточка,
а вѣточка молодая, пушистая
гнется и не ломится.

Ты не ломай руки, мама,
а бери ведро.
Я всегда за тебя носиль воду.
Ты, не плачь, мама,
а возьми топоръ.
Я тебѣ топиЛЬ тепло печку,
а у тебя для моего топорища руки малы.

Эхъ-на! родная земля поеть.
Вотъ поеть дорога.
Дорогая моя—вотъ.
Вотъ и самъ я!
а я возки взяль,
эхъ, родина!
А я ружье взяль.
Вотъ—и мать.



Б. Іуро.

Не тужи, не тужи, родная,
задулъ большой вѣтеръ —
не тужи, не плачь, мама.
Камень при дорогѣ сталъ,
сосна шумитъ.
Вѣтеръ дальше, дальше погналъ окресть.
Не плачь, мама.
Родина, родина — земля,
одна ты — мать.
За тебя я ушелъ.
Не тужи, не тужи, родная,
не плачь, мама.

Молитва въ сѣрый день.

Пахнетъ нѣжно тиной, тиной. Всѣхъ море любить.
Близко грѣть Божья воля. Богъ, создавшій эту дюну,
Богъ, Покровитель, помоги мнѣ — я нехитрый. Боже
вѣрный сѣрой дюны, ты бережешьъ твоихъ сѣрыхъ
птичекъ на пескѣ. Я нехитрый, а враговъ у меня
много. Я вродѣ птицы, помоги мнѣ.

Ночь.

Ночью таяло. Небо стояло совсѣмъ раскрытое.
Шелъ дождикъ. Нѣтъ, капаль туманъ. У фонарей на-
висали, мерцая, почки на почти невидимыхъ голыхъ
прутьяхъ. Распускалась весна. Едва-едва повѣрила
душа и стояла совсѣмъ обнаженная, добрая и глубоко
повѣрила всему. Всякий могъ ее ранить, если-бъ не
укрывала ее тайна ночи. Была съ весной. Паръ под-
нимался, землей пахло, шелъ дождикъ.

Весна.

Къ рѣшеткѣ сияющей зелени подошелъ прохожій.
Похожъ на дворянина изъ Ламанча тѣмъ, что длин-
ный, несуразный съ нѣжнымъ выраженіемъ лба и ки-
стей рукъ. Но сѣверъ далъ ему свѣтлые волосы и
глаза. Одѣтъ онъ теплой фуфачкой.

Остановился, руку положилъ на рѣшетку. Смотрѣлъ,
смотрѣлъ, не отрываясь на зелень. Запачкалъ ладонь
пылью. Потеръ о панталоны. Оторвался, пошелъ своей
дорогой.

Я мечтаю — если бы въ такой точно вечеръ подо-
шелъ къ моей калиткѣ несуразный прохожій, и сразу
безъ мученія прочла я въ добрыхъ глазахъ, что ему
здѣсь хорошо. Больше ничего. Думаю впередъ и найду
самые разные способы приласкать одинокихъ. Узнаю
гдѣ нибудь живетъ человѣкъ съ нѣжнымъ весеннимъ
лбомъ, и пошлю ему шарфъ нѣжной шерсти сирене-
выми полосками или бѣлый ягнятій и буду радоваться,
что мой нѣжный шарфъ ему ласкаетъ шею.

Такъ водяністый вѣтеръ дышалъ несбыточнымъ ве-
сеннимъ и петербургской становилась душа.

С.-Петербургъ.
Май. 1911 г.

УТРО.

Окружной аллейкой пробѣжалъ мальчикъ и гналъ серсо.

Почему не выражаю то, отчего изнываю восторгомъ. Какъ найти мои настоящія дорогія мысли. Чтобъ не сочинять мнѣ чужого и случайного. Вѣдь доходитъ же до меня весеннее. Пробѣжалъ мальчикъ; на плечахъ у него блузочка съ полосками; и я поймала мгновенный божественный скрипъ серсо о песчаную, дорожку.

Въ глубинѣ папортники тонкими змѣйками зеленили черную землю къ водѣ. Новая кадка отмокала розовымъ свѣжимъ деревомъ. Надъ ней въ сквозной ивкѣ пѣла, точно нѣжнымъ небомъ прополоскивала горло, птичка.

И души деревьевъ весной такъ недосягаемо-чисты, упесены въ высоту, что люди внизу мучаются и кажутся себѣ невыносимыми.

Боже, чтобъ не заниматься мнѣ вѣчно чуждымъ, не сыпать чужихъ красивыхъ словъ, да еще со слезами энтузіазма въ глазахъ. Помоги мнѣ. Вѣдь это самоубійство.

Сосновая кадка, синій подснѣжникъ, поникшій застѣничиво. Отъ синевы его больно. Боже, избавь меня отъ чужой красоты, я же въ глубинѣ прямая и горячая. Зачѣмъ синій, нѣжный, въ травѣ, уйдетъ необласканый, его красота невыносимо — весенняя уйдетъ незапечатлѣнной, жертва времени и чей-то плоскости, а я останусь виноватой со словами чужой холодной

красоты на губахъ. Точно не дошли до меня небо и свѣтъ зелени.

Вѣдь это же убійство твоего земного зеленаго счастья. Это же убійство. А межъ тѣмъ у какихъ-то мохнатыхъ цвѣтковъ; переходъ лепестковъ изъ сиреневаго въ розовое былъ порукой высокаго назначенія жизни — бездонной искренности и чистоты. И мохъ немного отзывалъ теплой землей въ свое мѣсто бархатъ.

И душа томится отвѣтственностью за уходящія мгновенія.

Вечеръ. Высота свѣтла. Смотрю на возносящейся стволъ тополя.

Зачѣмъ такъ тяжело? И я не понимаю гдѣ же наша глубина? Почему уходимъ отъ нее? И теряемъ свою глубину и съ ней свой настоящій голосъ. И больше не найдемъ дорогъ?

Ты священный тополь, посылающій въ небо безгранично вѣтви. Всегда гордый, всегда правый, всегда искрінній. Ты правда неба — жертвоприношеніе глубины. Духъ величія.

А въ тонкихъ кристальныхъ березахъ знаки бессмертной жизни. Знаки, что кинутыя здѣсь отрывки встрѣчъ и разлукъ будто минутныя, полны значенія — вѣчно и вѣрно.

Ну пусть. Вы вѣрно знаете недостижимыя, почему я здѣсь наказана неумѣньемъ. Вѣроятно это такъ.

С.-Петербургъ.
Май 1911 г.

Апрель
Станция Тарховка.

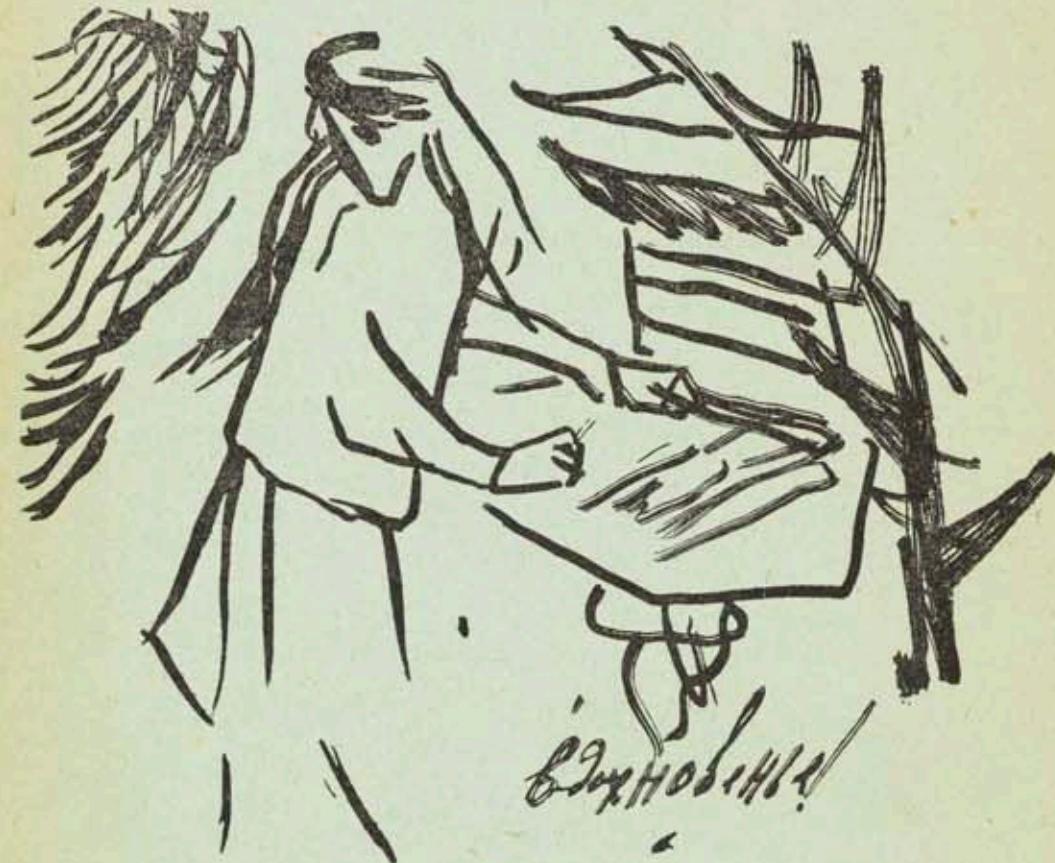
Посвящается М. М.

* * *

Липнуль къ слѣдкамъ песокъ на протаявшей дорожкѣ. Желтой, желтой. Въ крошечной будущей булочной, будущей здѣсь дачной жизни, въ двухъ окошонкахъ два картоанныхъ пѣтуха раскрашены ярко. Смотрѣть на дырчатый снѣгъ. На похиленныхъ вершинахъ протянулась музыка Рахманинова. Мы, вѣдь мы?! Взявшись за руки! Здѣсь будущее—настоящее. Лѣтомъ зазвучить, заблестѣть. Ждуть двѣ вывески: булочной и аптеки. Отразилось небо. Онѣ уже въ будущемъ тоже несутся. Онѣ—стихи. Стихи Крученыхъ пахнуть новымъ лакомъ. Мы это—мы!

Весело. Мечты. Сижу въ дачѣ. Сижу на досчатомъ полу, подъ окномъ. На громадномъ листѣ сбѣрой бумаги рисую музыку Рахманинова, разметавшуюся вѣтвями, а за окнами будетъ бѣгать дорожка, липнуть къ слѣдамъ песокъ.

Поселимся тутъ? Хочешь? пока не ушелъ снѣгъ!



С. Туров.

* * *

Разложили костеръ на корняхъ и выжгли у живой сосны сердцевину.

Кто? не знаю.

Дерево съ тяжелой кудрявой головой, необъятной жизненной силы—держалось на трети древесины, уродливо лишенное гордаго упора и равновѣсія.

Было очень тихо. Обреченнное на медленную смерть, дерево молчало. Несомнѣнно оно знало, что ему сдѣляли,—и окружавшіе его товарищи молчали. И было непріятно и тяжело видѣть выраженіе его головы съ могучими сучьями, какъ тяжело видѣть среди жизни очень здороваго человѣка, котораго временно отпустили, но черезъ срокъ неизбѣжно назначено повѣсить и онъ это самъ знаетъ, и окружающіе, и всѣ молчатъ...

Назадъ шель вырубкой.

Злобишься-ли ты лѣсь, когда вершины, что привыкли ходить въ небѣ,—слушать сказанія созвѣздій и баюкать облака,—падають о земль и оскверняются человѣкомъ? Нѣтъ, ты переросъ возможность злобы. Я такъ же переросъ мою злобу, но мнѣ очень тяжело.

НѢЖНЫЙ ДУРАКЪ.

Жилъ среди неукротимыхъ бурныхъ и гордыхъ вершинъ человѣчишка: слабоватенький, вялый, съ ми-лыми глазами—грязноватенький, потноватый. Заглядывался на цветы, на деревья, на звѣзды. Немного боялся, небойсь, грозы и любилъ ее. Вихорокъ у него былъ на лбу, какъ у молоденькаго жеребенка начинаящаяся челка. Болѣль, хирѣль, хвораль, зябнуль. Блохи его обижали, ни съ чѣмъ онъ не умѣлъ справиться. Любиль тепленькую ванну, какъ дѣтамъ дѣлаютъ. Въ то время, какъ его ласкала вода,—онъ думалъ:

«О чѣмъ говорить вѣтеръ. О чѣмъ говорить. Какъ хорошо».

Елки сказали: «кивнемъ ему въ окно. Онъ все одно, что ребенокъ».

А тому, у кого онѣ закачались передъ окномъ темной осенней ночью—снятся сны. Всю жизнь по-томъ снятся. Онъ часто оставался одинъ. Онъ очень любилъ людей, слишкомъ къ нимъ привязывался, вихорокъ у него былъ нѣжный, а пришлось оставаться одному.

Ахъ, кому вѣнчанныя вершины кивнули въ окно.

ДАЧА СЪ ПРИЗРАКАМИ.

Когда мы подходили къ ней, сквозь ея заброшенный видъ повѣяло намъ, что она кѣмъ-то полна. Чьято грусть надъ нею склонила крыло и непріятны были разбитыя стекла чердака...

Когда въ послѣднюю комнату вошли, тамъ еще присутствовали тѣни. Пустыя кресла стояли по стѣнамъ и пусто и пыльно было выцвѣтшее сукно стола. Невидимая душа ждала здѣсь вѣстей слишкомъ длинное глухое время, и была тяжесть на всемъ.

Вышли на верхній балконъ. Молодой и свѣтлый соскользнулъ съ периль и растаялъ. И береза слегка выступила впередъ и, унесенная, словно гимнъ, открыла аллею встрѣчи, вѣница и шествія и юного торжества!

Такъ было прежде. На гору изгибомъ дорожки межъ веселаго вереска проходилъ онъ — юный Геній. Тогда отвѣчали отовсюду изъ оконъ и балконовъ струны.

Но давно уже никто не шель. Заросшей площадкой была оборвана струна, и въ дорожкѣ что-то запустѣло и некуда было ей вести. И надъ радостью встрѣчи прошли года, и стоять надъ всѣмъ въ пустомъ небѣ запрещающій Знакъ.

Когда мы оглянулись уходя, выше балкона и крыши летѣла сухощавой вершиной чахлая сосна, гдѣ-то высоко надъ всѣмъ качалась въ пустомъ бѣломъ небѣ. Въ этомъ былъ тайный призракъ сuroвыхъ протекшихъ бурь. Чы-то сжатыя губы чудились намъ, когда вспоминался дикій гранить внизу дома.

А въ сторонѣ, въ круглой ротондѣ, пировали еще раздвинутыя скамьи. Послышался юный застольный гулъ и арки павильона звучали заздравнымъ смѣхомъ.

Внизу павильонъ заглохъ высокой крапивой. Она зашуршала, когда обходили кругомъ.

* *

Я хочу изобразить голову бѣлаго гриба; умной и чистой, какой она выпла изъ земли, захвативъ съ собою часть планетной силы. Стѣны и крышу финской виллы, какой они выгляднули изъ лѣсной горы, омытыя удаленностью на высотѣ къ облакамъ.

Облако надъ горой, какимъ она стало, переплылъ свѣтлую небесную сферу.

Лбы звѣрей, освѣщенные бѣлою звѣздочкой: такъ ихъ создало живое Добро дыханія.

И моего сына, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ похожъ на иву длиннымъ согнутымъ станомъ, а поникшей мило прядкой волосъ на лбу — на березу, а свѣтлыми глазами на молодую лиственницу, вонзившуюся вершиной въ небо.

Только онъ еще добрѣе ивы: на немъ вмѣсто коры нѣжность — и свѣтлѣе лиственницы. Онъ смѣется надъ собой. Его прикосновеніе благословляетъ вещи.

ВКАТ. НИЗЕНЬ.

ПЯТНА.

Надо-бы жить всегда такъ, чтобы, когда выходишь на улицу, могъ быть одинъ удивительный поворотъ, котораго обыкновенно не бываетъ; а за нимъ мостикъ... А за мостикомъ могутъ уже быть и коридоры, или комнаты, или двери. Это не важно.

Она ужасно растерялась, когда ее спросили объ Ибсенъ. Споткнулась? Уменьшилась? Вошла въ платье? Упала сверху? Нѣть, собственно, не упала, но—правда—пришлось держаться за муфту и уже идти какъ всѣ. Она ничего не поняла, только это было ужасно смѣшино и удивительно ненужно. Сначала они шли и молчали. Не знаю, впрочемъ, какіе, тамъ, шли по улицѣ. Но были сразу всѣ улицы, всѣ дома, всѣ повороты, и даже то, что за городомъ, и даже то, что вчера, и все, что можно было подумать, и сказать, и захотѣть. И когда пришлось отвѣтить объ Ибсенѣ, она ужасно растерялась и беспомощно распустила губы. Ну, что-же ей было дѣлать? Какъ-же ей было объяснить, что онъ испортилъ пятно, что они были очень большие сейчасъ и неслись удивительно. Надъ городомъ. Такіе были большие, что могли говорить домами и поворотами. И потому вотъ она и не умѣеть ничего объ Ибсенѣ, совсѣмъ ничего не умѣеть...

...И почему та, вторая, опять стояла у дверей? На ней было потертое и сырое платье, и она протягивала руку. И почему она всегда просить и протягиваетъ руку, и не входить въ Вашу комнату? Почему она всегда остается у двери, какъ нищенка? Я ее ненавижу за это. И комнату Вашу ненавижу... И не могу я быть у Васъ королевой, когда та моя, вторая, стоитъ у двери и просить. Но это такъ, между прочимъ. Не стонть.

Чтобы какъ-нибудь можно было жить въ новой комнатѣ, я придумала ей лицо: что-нибудь полукруглое, бѣлое и деревянненькое. Полукруглое, чтобы связалось съ широкими старыми стеклами, а бѣлое,—чтобы особенные могли приходить съ балкона, когда стемнѣеться, а деревянненькое, чтобы можно было все же спокойно ъѣсть и смѣяться, вообще, чтобы попроще. И для этого еще на столъ я поставила плоскую стеклянышку съ зеленымъ, а въ нее прутики,—вышла весенняя лужа. И тогда всѣ столы и стулья очень обрадовались и сразу стали на мѣсто. И теперь они такъ ласковы ко мнѣ и такъ внимательны, что иногда нельзя заниматься. Но зато я успокоилась. Это несомнѣнно продолженіе зелено-оконнаго пятна (пусть, пусть, расцвѣтаетъ, я такая покорная!) и даже не городского, пожалуй. Хорошо. Я такъ боюсь лиловово-коричневыхъ пятенъ.

«Надо-бы устраивать имъ праздники иногда». Я такъ подумала.

Мы всегда держимъ въ рабствѣ свои вещи. Изодня въ день они стерегутъ объѣдки, слушаютъ скуч-

ное, видять только усталое и ненужное. Передъ ними, вѣдь, не стѣсняются. И вотъ, лица ихъ выцвѣтаютъ, становятся брезгливыми и раздраженными. Тогда мы ихъ ненавидимъ.

Съ ними очень непріятно, когда они враги,—надо держаться въ себѣ и смотрѣть на все и жить только черезъ себя. Это очень утомительно и однообразно. Но когда они друзья, то живутъ и они, и все самое обычное становится, какъ знакъ, и открывается такая дверь, что можно выйти изъ себя и жить гдѣ-то между вещами и словами. Можетъ быть и такъ, что живутъ они, а я просто дѣлаю большая. Почти застываю, такая большая. Но только это хорошо. Когда мнѣ весело, это, какъ потокъ: они всѣ такие большие и тяжелые, и всѣ срываются съ мѣстъ, какъ безумное стадо. И когда меня ждетъ горе, они заранѣе говорятъ мнѣ объ этомъ. И когда я люблю, они поютъ, они расцвѣтаютъ нежданно... А я только удивляюсь. Я всегда узнаю про себя послѣдняя.

...А если-бы они приказали убить?... Не знаю, ничего я не знаю. Но можетъ-быть очень разны дороги къ самому себѣ.

...А если-бы всѣ люди были, какъ добрыя вещи? Можно было-бы жить въ нихъ, какъ въ вещахъ? Сразу во всѣхъ?... Не знаю. Я ничего не знаю. Но людей труднѣе любить. Они берутъ такъ много.

А вчера Она показала мнѣ окно. (Есть у меня такая Она). Или сама стояла за окномъ, я не знаю. Я быстро шла по темной комнатѣ и говорила о чёмъ-то пустяковомъ. И вдругъ окно стало необычайнымъ. Я

такъ и остановилась, потому-что это было, какъ въ дѣствѣ, какъ сказка, какъ самое несбыточное.. А еще недавно,—были три ступеньки изъ фруктовой наверхъ. Сыпалась изморозь, и онѣ потемнѣли. Я поднималась очень медленно, потому-что устала. И вдругъ меня удивило ихъ лицо,—какъ-будто онѣ давно меня знали. И когда я поднялась на улицу, городъ тоже какъ-будто узналъ меня, хотя я очень смущалась. Городъ разастушился для меня. Я можетъ-быть была очень незамѣтная и некрасивая, но весь городъ былъ для меня, какъ раньше... А еще недавно,—вода бѣжала въ шайку совершенно такъ же, какъ она бѣжала когда-то давно. И тогда оказалось, что все, что, было, и что еще будетъ—уже сліянно. И съ такой радостью, и съ такой побѣдой звенѣла вода, что это было чудо.

И все это дѣлаетъ Она.

...Кругъ. Все коричневое, грязное и покрашенное. И запахъ тяжелый. Внизъ доски. Но обрываются непріятными краями, и снизу просвѣтъ. Сверху свѣта очень мало... Вотъ если я увижу когда-нибудь такое лицо жизни... Нѣтъ, я не хочу. Какое все это было несомнѣнно накрашенное. Только накрашенное, и грязное—и ничего больше. Ничего. И это было страшнѣе смерти... И если взять каждую вещь и до бѣшенства ярко представить, что за ней ничего нѣтъ,—становится всегда страшно. всякая вещь становится тогда мертвой и страшной.

Только этого не надо дѣлать. Это убиваетъ вещи.

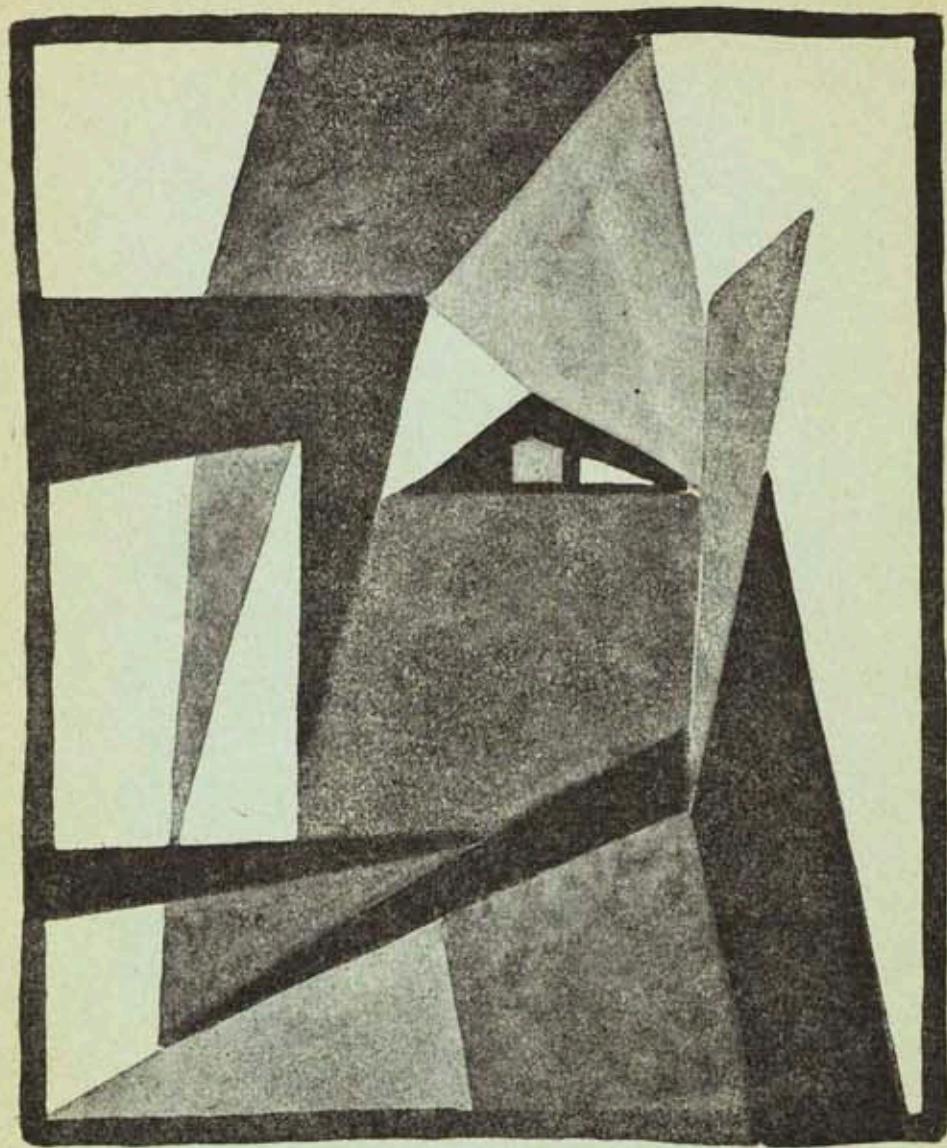
Хочу умереть.

„Хочу умереть
И въ русскую землю
Зароютъ меня!
Французскій не буду
Учить никогда!
Въ нѣмецкую книгу
Не буду смотрѣть
Скорѣе, скорѣе
Хочу умереть!“
И въ темной могилѣ,
Какъ въ теплой кроватѣ,
Я буду лежать,
Страшась и боясь
А смерть надо мною
Все будетъ летать,
Порхая, кружась.
Но страхъ я забуду,
Какъ только скажу
Слова роковыя,
Опять повторю:
„И въ русскую землю
Зароютъ меня.
Французскій не буду
Учить никогда.
Въ нѣмецкую книгу
Не буду смотрѣть.
Скорѣе, скорѣе
Хочу умереть.“

* * *

Въ цвѣты полевые одѣта
Богиня весенняго дня
Идетъ къ намъ въ предвѣстіи лѣта
Изящна, какъ нимфа, весна.
Одною рукою разсыпаетъ
Цвѣты на пустыя поля
Другою рукою бросаетъ
Добро въ молодыя сердца.
Такъ скромно ландышъ расцвѣтаетъ
Тутъ, въ уголкѣ, въ моемъ саду
Головку тихо опускаетъ
На грудку свѣтлую свою.
И думы въ бѣленькой головкѣ
Все роятся какъ стая пчель.
Онъ думалъ тихо о красоткѣ.
Ее старикъ увелъ.
Малютка бѣгала, играла
Не скучно было ей одной.
Она какъ птичка щебетала.
И такъ мила была собой.
Дитя увидѣло цвѣточекъ
И подошло къ нему тотчасъ
И словно кроткій голубочекъ
Поцѣловало еще разъ.
Съ тѣхъ порь цвѣточку все казалось,
Какъ будто бы всегда надѣялся нимъ
Малютка тихо наклонялась
Шепча: „Не бойся, ты любимъ!“

Малороссіянка Милица 13 лѣтъ.



В. Бурлюк.

Издательством «ЖУРАВЛЬ»

изданы слѣд. книги:

Шарманка Е. Гуро.

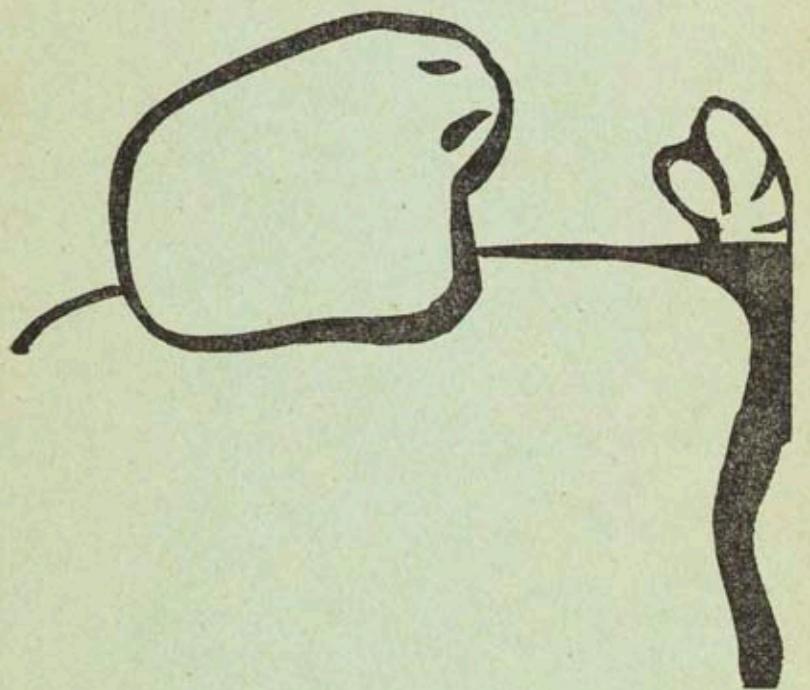
Садокъ Судей I-й.

Осенний Сонъ Е. Гуро.

Садокъ Судей II-й.

Складъ изданій:

Апт. Ост., Песочная, 10, кв. 3.



S. Sypo.

U.S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE 1944
SPECIAL 88-B
26424
V.2

GETTY CENTER LIBRARY

10-
FD. NO. 23-8944
T-21 1/2

